

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой
въ Россіи:

На годъ . . . . 2 рубля. | На 3 мѣсяца . . . 55 коп.
На полгода . . . 1 рубль. | На 1 мѣсяць . . . 20 коп.

Отдѣльные номера: въ С.-Петербургѣ 5 коп.
въ Москвѣ и въ провинціи 7 коп.

Главная Контора и Редакція:
С.-Петербургъ, Галерная, 40.

— Чтобы мужъ не забылъ купить мнѣ сегодня новый зонтикъ, я навязала узелокъ на его платокъ, — но сама позабыла отдать ему этотъ платокъ!

Неудачная поѣздка.

I-ый гимназистъ. Я ѣхалъ съ книжками въ переполненномъ вагонѣ... Пришлось все время стоять!

II-ой гимназистъ. Я влопался еще хуже: противъ меня сидѣлъ учитель латинскаго языка, — и все время экзаменовалъ меня по всему курсу!

Барыня (къ новой горничной). Если къ вамъ начнутъ приставать мои сыновья, дайте имъ рѣшительный отпоръ... а моему мужу — влѣпите пощечину!

— Ты совершенно равнодушна къ своимъ дѣтямъ... Неужели ты не можешь унять грудного ребенка?
— Ты смѣешь упрекать меня въ томъ, что я не люблю дѣтей: я уже написала три портрета съ нашего мальчика!

Хозяйка. Нечего сказать, — славная вы штучка!
Прилегуа. Это же самое всегда говоритъ мнѣ и баринъ...
Рисунокъ Штеймана.

мана	щату	яст	дожь	въму	ко	ль
дѣти	вѣч	руи	тны	на	тесъ	высо
ныхъ	жде	то	К. П.	го	дясъ	мон
годо	суме	ка	по	Льд	слы	заро
ясле	мура	рект	стигъ	овъ.	рано	помы
вых	лива	япо	дитя	васъ	какъ	вы
тъму	ную	пере	чуть	по	слю	тка
ноч	летъ	кап	точ	ды	блес	ми
выб	Блѣд	слезъ	ли	вая	жить	рябъ
ный	грезъ	небе	выгл	жи	воды	дро
нихъ	рой	ются	сных	убр	по	ти
осен	зълъ	ъсле	бъчу	юна	нос	верх

Ходъ короля. Рѣшеніе задачи № 15.

Степная ширь! Для взора
Плѣнительнѣ твой видъ...
Какъ свѣтлыя озера,
Ковыль вдали блеститъ,
Подъ куполомъ багрянымъ
Ты вся просторъ и тишь,
И запахомъ медвянымъ
Всевышнему кадишь.
Греми броней стальной,
Смутилъ твой сладкій сонъ
Тревогою земною
Лишь тѣсный мой вагонъ,—
Да я, несущій въ степи,
Въ лазоревую даль,
Тяжелую, какъ цѣпи,
Сердечную печаль,—
Да коршунъ, вслѣдъ за нами
Мелькнувшій вдоль тебя,
Кровавыми когтями
Добычу теребя.

Тайственные монахиня
и отшельникъ.

Легенды о царственныхъ отшельникахъ и государынь-странницѣ. — Брошюра въ 13 экземплярахъ. — Дезертиръ Михайловъ и странникъ Игнатій. — Сергѣевская пещера. — Нетлѣнное тѣло старца. — Паломничество. — Хирургическая операція исправника. — Мѣры пресѣченія по отношенію къ изслѣдователямъ старины.

Народная молва сложила трогательную легенду объ императорѣ Александрѣ I, добровольно скрывшемся послѣ мнимой смерти въ Таганрогъ и подвизавшемся въ далекой Сибири подъ видомъ старца-отшельника Теодора Кузьмича.

Теодоръ Кузьмичъ — не единственный представитель царской семьи, принявшій, по народной молвѣ, странническую вѣнецъ.

Существуютъ сказанія, что и императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Александра I, и Великій Князь Константинъ Павловичъ, августѣйшій братъ Александра Благословеннаго, послѣ ихъ мнимой смерти, когда похоронены были всеѣмъ другія лица, предприняли подвиги спасенія, страданія и искушенія своихъ грѣховъ.

***

Послѣ первыхъ войнъ съ Франціей, особенно же съ наступленіемъ грозы 1812 го-

да и нашествіемъ двенадцати языковъ, Елизавета Алексѣевна совершенно отказалась отъ вѣнскихъ почестей и блеска, посвящая досуги свои дѣламъ благотворительности. Съ 1812 года она, несмотря на настояніе императора, рѣшительно отклонила полученіе полагавашагося ей ежегодно милліона рублей, а все свои личныя средства отдавала нуждающимся.

Симпатичный образъ этой скромнѣйшей изъ императрицъ, на чело которой въ послѣдніе годы ея жизни легла печать глубокой грусти, былъ воспѣтъ Пушкинымъ въ 1819 г. въ его стихотвореніи «На лирѣ скромной, благородной, земныхъ боговъ я не хвалилъ».

Вскорѣ послѣ кончины Александра I, 4-го мая 1826 г., Елизавета Алексѣевна тихо угасла по пути въ г. Бѣлевъ.

Такъ гласитъ исторія.

Но, по народной молвѣ, императрица не умерла въ Бѣлевѣ, а приняла иноческій чинъ и странствовала долгое время по русской землѣ. Она была будто бы узнава многими и, между прочимъ, семьей священника Донецкаго во время посѣщенія ею Томска и свиданія со старцемъ Теодоромъ Кузьмичемъ.

Елизавета Алексѣевна, по другимъ источникамъ, была пострижена въ Сырковскомъ женскомъ монастырѣ, Новгородской губерніи, и странствовала потомъ по Россіи и Сибири для сбора подаваній въ пользу нуждающихся.

Легенда объ императрицѣ-инокинь нашла себѣ отраженіе въ почти никому неизвѣстной брошюрѣ «Сырковъ монастырь», къ которой приложена фотографическая копія съ портрета, снятаго съ супруги Александра Благословеннаго, въ видѣ монахини.

Брошюра была отпечатана въ новгородской губернской типографіи всего въ количествѣ тринадцати экземпляровъ и не сдѣлалась достояніемъ простыхъ смертныхъ. При печатаніи ея присутствовалъ мѣстный губернаторъ, который, по выходѣ изъ печати послѣдняго экземпляра, самолично разсыпалъ наборъ.

Счастливецъ, видѣвшій рѣдкую брошюру, которой нѣтъ даже въ Императорской публичной библиотекѣ, ознакомилъ съ нею автора статьи, помѣщенной въ одной приволжской газетѣ.

***

Мало кому знакомо содержаніе брошюры о странникѣ Игнатіи. Подъ именемъ этого странника скрывался будто бы Великій Князь Константинъ Павловичъ, который, послѣ смерти Александра Благословеннаго, былъ объявленъ въ Петербургѣ императоромъ всероссійскимъ.

Извѣстно, между прочимъ, что петербургскій монетный дворъ отчеканилъ «константиновскій рубль» — съ профилемъ Константина и надписью: «Константинъ I, Императоръ Всероссійскій». Такихъ рублей было выбито 13, и одинъ изъ нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ проданъ бельгійскому любителю рѣдкостей за 20,000 рублей.

Легенда о страннической жизни Константина Павловича, вмѣсто котораго былъ похороненъ, будто бы, другой, особенно распространена была въ западной и коренной Россіи, но принятыя суровыя мѣры помѣшали ей получить такое же распространеніе, какъ легенда о Теодорѣ Кузьмичѣ.

Однимъ изъ источниковъ разсказа о Константинѣ явился иркутскій іеромонахъ о. Германъ.

По словамъ іеромонаха, онъ исповѣдывалъ и приобщалъ однажды смертельно больного странника, который въ предсмертной исповѣди открылъ ему, что онъ есть великій князь Константинъ Павловичъ, принявшій страданіе подъ именемъ дезертира Тео-

дора Михайлова. Вскорѣ послѣдній выздорѣвалъ, нѣкоторое время жилъ въ Сибири и былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Германомъ. Они часто бесѣдовали о великихъ дѣлахъ тогдашнихъ царствованій, и Михайловъ оставилъ убѣжденіе въ томъ, что это былъ, въ дѣйствительности, великій князь Константинъ Павловичъ.

Дезертиръ Михайловъ, покинувъ Сибирь, постригся въ монахи какого-то монастыря Новгородской губерніи, странствовалъ по Россіи, «старчествовалъ» въ Уфимской губерніи, пострадалъ въ ней и умеръ въ одной изъ уральскихъ пещеръ.

***

Въ декабрѣ 1897 года 75-лѣтняя старушка Маркова въ прошеніи на имя епископа уфимскаго Іустина слезно просила облегчить ея скорбь душевную и обратить вниманіе на ея сердечную тайну, которую она хранила.

Лѣтъ 25 тому назадъ, — писала Маркова, — Богъ сподобилъ ее побывать въ замѣчательныхъ пещерахъ, находящихся близъ деревни Сергѣевки, Уфимскаго уѣзда, и поклониться праху человѣка Божія, по имени Игнатія, спасавшагося въ пещерахъ. Подъ именемъ Игнатія и былъ извѣстенъ Великій Князь Константинъ.

Спустя десять лѣтъ послѣ его смерти тѣло Игнатія найдено было нетлѣннымъ, но оно «принятыми мѣрами» было предано тлѣнію.

Епископъ Іустинъ поручилъ священнику Разумову произвести самое тщательное изслѣдованіе.

Изъ мѣстныхъ людей болѣе другихъ зналъ дорогу къ пещерѣ Игнатія старикъ Боровковъ, который, послѣ долгихъ колебаній, согласился быть проводникомъ о. Разумова.

Прежде, чѣмъ добраться до пещеры, пришлось пройти нѣсколько пещеръ и коридоровъ, держась все время вправо, чтобы не заблудиться въ подземныхъ лабиринтахъ. Одна пещера нѣсколько напоминала храмъ. Въ игнатьевскую пещеру можно было проникнуть ползкомъ. Самъ обитатель ея пробирался по загроможденнымъ входъ камнямъ съ острыми концами, измощая свое тѣло.

***

Старецъ Игнатій жилъ въ пещерѣ только днемъ, а ночи проводилъ въ куренѣ съ дровосѣками, читая имъ книги и обучая ихъ молитвамъ.

О подвигахъ старца узнало все окрестное населеніе, и къ нему стали стекаться со всехъ сторонъ. Это не всеѣмъ понравилось начальству. Его избилъ сначала куренный надзиратель, а затѣмъ управляющій заводомъ, на землѣ котораго онъ жилъ, послѣ чего его еле живого отправили въ Новгородъ.

При отправленіи Игнатій объявилъ: «хоть вы меня и отправляете на свою сторону, но умереть я все-таки приду сюда». И онъ сдержалъ обѣщаніе, вернувшись черезъ два года въ пещеру, гдѣ тотчасъ отдалъ Богу душу. Преданный Игнатію почитатель накрылъ его тѣло берестами и закрылъ пещеру камнями.

***

Молва о томъ, что въ пещерѣ покоится прахъ не простого человѣка, и паломничество къ ней снова привлекло вниманіе начальства. Опять на сцену появился куренный надзиратель, донесшій управляющему заводомъ о нетлѣнномъ тѣлѣ.

Явившійся исправникъ приказалъ разоблачить покойника, снять расу, а доктору Зубкову велѣлъ вырѣзать изъ нетлѣннаго тѣла икры на обѣихъ ногахъ. Послѣ этой операціи Игнатія облачили въ прежнее одѣяніе, покрыли берестой и засыпали пескомъ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкою
въ Россіи:

На годъ . . . . . 2 рубля.	На 3 мѣсяца . . . 55 коп.
На полгода . . . 1 рубль.	На 1 мѣсяць . . . 20 коп.

Отдѣльные номера: въ С.-Петербургѣ 5 коп.
въ Москвѣ и въ провинціи 7 коп.

Главная Контора и Редакція:
С.-Петербургъ, Галерная, 40.

№ 39. Воскресенье, 28 сентября 1908 г. Подписная цѣна на еженд. газету „БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ—второе изданіе“ съ журн. „ОГОНЕКЪ“ и „Библиотекою Знанія“—5 р. въ годъ, 2 р. 50 к. за 6 мѣс. и 1 р. 30 к. за 3 мѣс. съ перес. въ Россіи. Годписная цѣна на „ОГОНЕКЪ“ емѣстѣ съ „БИБЛИОТЕКОЮ ЗНАНІЯ“—3 р. 50 к. въ годъ, 1 р. 75 к. за 6 мѣс. и 90 к. за 3 мѣс. съ перес. въ Россіи.

Изъ папки нашихъ рисунковъ и эскизовъ.

«Баянь», эскизь декоративнаго фриза (tempera), Н. К. Рериха.

ВЪ ПРИДВОРНОМЪ ЧАДУ.

Романъ Вилли (Willy).

I.

Михаиль и Катенька.

Въ Мореніи царствовалъ Альберикъ изъ династіи Марцевоу.

Въ окрестностяхъ Гавачи, въ старинномъ наслѣдственномъ замкѣ Стаско, жилъ обыкновенно Альберикъ съ своею молодою женою Марицею, съ вдовствующею княгиней—матерью, рожденной Альтшлосъ, и съ придворными чинами и важнѣйшими сановниками.

Былъ вечеръ. Пахло осенью. Князь Альберикъ уѣхалъ на охоту, и во дворцѣ ожидали его возвращенія. Прислуга князя и княгини, собравшись на террасѣ дворца, сплетничала о своихъ господахъ. Одни находили, что княгиня Марица «выше подозрѣній», другіе дѣлали намеки на ея кузена, князя Михаила, будто бы пользующагося ея расположеніемъ, третьи осуждали ее за гордость, потому что она, будучи безприданницей, могла бы сквозь пальцы смотрѣть на измѣны своего вѣтреннаго мужа.

Въ перспективѣ длинной аллеи показался князь Михаилъ. Стальная лошадка его быстро неслась, а за нимъ гналась и, наконецъ, его обогнала фрейлина Орбшко-Референцъ. Она легко соскочила съ велосипеда и взбѣжала по ступенямъ перрона.

Въ костюмѣ велосипедистки, смуглая фрейлина Орбшко-Референцъ казалась прелестнымъ мальчикомъ. У нея были большіе, черные, веселые, блестящіе глаза, орлиный носикъ съ трепещущими ноздрями, маленький ротъ, полный жемчуга.

Князь Михаилъ отличался свѣтло-русой сѣвѣрной красотой и черезчуръ правильными чертами лица — тѣми, о которыхъ княжна Марица говорила, что онѣ «похожи на американскія улицы».

— Катенька, — сказалъ онъ, — пойдемъ въ павильонъ, я умираю отъ голода.

Раздался звукъ роговъ и собачій лай вдали.

— Наконецъ, берутъ звѣря, — сказала фрейлина, — увѣрю васъ, что за обѣдъ сидеть въ девять часовъ. Лучше бы я осталась съ княгиней.

— Почему она не поѣхала на охоту?

— Она вѣдь не принимаетъ участія въ развлеченіяхъ, которыя устраиваетъ его высочество для своихъ пажей. Меня беспокоитъ бѣдная Марица. Впрочемъ, если я оставила ее одну, то по ея же собственному желанію.

Въ павильонѣ вбѣжали весело и шумно пажи и набросились на сандвичи и на икру. Они не прочь были поухаживать за Катенькой, но ихъ сдерживало присутствіе князя Михаила, который былъ въ чинѣ гусарскаго капитана.

Слуги внесли подносъ съ новыми закусками, винами и водками.

— Поѣдемте, — шепнулъ князь Михаилъ Катенькѣ.

Они вышли изъ павильона, сѣли на свои велосипеды и помчались по аллеямъ парка.

II.

Старый дворъ.

Въ большомъ комфортабельномъ ландо направлялся къ замку «старый дворъ»:

княгиня-мать, графиня Мороттэ и герцогъ Вальри.

У княгини-матери былъ огромный бюстъ, и ея вышедшія изъ моды драгоценности придавали бы ей видъ богатой торговки если бы не величественный бурбонскій носъ на красномъ лицѣ, отличавшій всѣхъ Альтшлосовъ.

Графиня Мороттэ была набѣлена и на румяна, — ей хотѣлось вѣчно слыть красавицей.

Герцогъ Вальри, шефъ полиціи и вмѣстѣ министръ двора, напоминалъ собою ястреба. Его хищная головка тревожно поворачивалась на костлявой шеѣ.

Разговоръ въ ландо шелъ о княгинѣ Марицѣ.

— Намъ нужно было бы для того, чтобы подвинуть сына моего къ разрыву съ княгиней, что-нибудь этакое, — сказала княгиня-мать.

— Вотъ хорошо было бы застать ее съ кѣмъ-нибудь на мѣстѣ преступленія! — вскричала графиня.

— Это труднѣе всего, — сказалъ герцогъ. — Она слишкомъ умна и не попадется.

— Кромѣ того, нуженъ соучастникъ преступленія, — меланхолически произнесла княгиня-мать.

— Соучастникъ есть, — это князь Михаилъ, — вскричала графиня.

— А какъ же доказать, что онъ любовникъ Марицы?

— Даю руку на отсѣченіе.

— Такъ-то такъ, а доказательствъ нѣтъ никакихъ, — проговорилъ герцогъ.

Княгиня-мать сложила руки и возвела глаза къ небесамъ:

— Боже мой, что дѣлать! Расчитываю только на васъ, друзья мои! Найдите средство!

Ландо покатилося по главной аллеѣ, ярко заблистали огни замка. Разговоръ оборвался.

III.

Княгиня.

Властительница Мореніи обладала сокровищемъ, въ которомъ заключаются всѣ другія: она была молода. Но она была еще и прекрасна собою. У нея были замѣчательные зеленые глаза, съ золотыми искрами, и князь Альберикъ сравнивалъ ихъ съ данцигской водкой. Волосамъ ея позавидовала бы самая бѣлокурая рожь. Носъ былъ немного вздернутъ и алая губы чувственны. Кожа ея была ослѣпительна бѣла.

Всѣ офицеры были безнадежно влюблены въ свою княгиню. Кромѣ того, въ нее влюблены были такіе близкіе къ ней люди, какъ князь Михаилъ, какъ старый маркизъ Рибареръ и какъ смуглая Катенька.

Кромѣ красоты, молодости и титула, княгиня Марица обладала еще коллекціей коробокъ и шкатулокъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ: фарфоровыхъ, черепаховыхъ, эмалевыхъ, перламутровыхъ, лакированныхъ. Ихъ было тысяча пятьсотъ тридцать восемь.

Катенька помогала княгинѣ разставлять въ новомъ порядкѣ ея коллекцію,

но княгиню это мало развлекало. Она госковала.

Фрейлина рѣшила сдѣлать ей маленькую сцену.

— Вчера вы не приняли меня и заставили обѣдать съ пажами и съ графиней Мороттэ.

— Я была больна.

— Тѣмъ болѣе, надо было меня принять.

— Ни тебя, и никого — раздражительно сказала княгиня, — позови Наташу, я хочу переѣмнить платье.

— Но вамъ это платье такъ идетъ.

— Противные рукава. Стоитъ поднять руку, и открывается плечо.

Княгиня подняла руку и плечо оголилось. Катенька наклонилась и поцѣловала его.

Княгиня сердито покраснѣла.

— Перестаньте, фрейлина.

— Ради Бога, простите!

— Ступай и посмотри, кто тамъ, я слышу чей-то голосъ.

Катенька въ восторгѣ, что княгиня опять стала говорить ей «ты», убѣжала въ переднюю, доложила о маркизѣ Рибарерѣ и опять исчезла.

Маркизъ Рибареръ былъ президентомъ государственнаго совѣта и главою партіи княгини. Онъ безмолвно обожалъ ее чистой любовью. У него были маленькіе черные глаза, густыя брови и совершенно лысый черепъ. При этомъ манеры у него были истиннаго джентльмена.

— Прошу меня извинить, ваше высочество, — началъ онъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Вамъ надо быть осторожнѣе.

Она разсмѣялась.

— Смѣхъ вашего высочества приводитъ меня въ отчаяніе, — сказалъ Рибареръ, — во кругъ васъ заговоръ, а вы смѣетесь.

— Но, мой добрый другъ, — проговорила княгиня, сдѣлавшись серьезной, — я отлично знаю, что моя свекровь, Вальри и Мороттэ стараются меня утопить въ ложкѣ воды. Что же я могу?

— Вы черезчуръ отдаляете себя отъ князя, и вамъ, навѣрно, повредило уже отсутствіе ваше на охотѣ.

— А! тѣмъ хуже, — вскричала она и топнула ногой, — я разъ навсегда рѣшила не участвовать въ собраніяхъ, на которыя онъ является со своими пажами.

— Однако, можно-ли надѣяться, что вы завтра удостоите большой придворный балъ своимъ присутствіемъ? Этотъ официальный праздникъ — послѣдній передъ вашимъ отъѣздомъ въ Пингелію, и опасно было бы игнорировать его.

— Опасно?

— И, строго говоря, даже опасно уѣзжать.

— Опасно уѣзжать къ мамашѣ, которую я не видѣла два года?

— Клевета, ваше высочество... убійственна клевета.

— Какая же клевета?

Рибареръ покраснѣлъ и сказалъ:

— Ваше высочество, было бы лучше, если бы вы уѣхали одни.

— А, понимаю. Обвиняют моего кузена Михаила.

Рибареръ кивнулъ головой.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло! Михаилъ— мой другъ дѣтства, который всегда былъ для меня братомъ. Нѣтъ, это черезчуръ!

— Враги вашего высочества ни передъ чѣмъ не останавливаются... Помните прежнія попытки.

— Какъ же, на меня спускали съ цѣпи двухъ сатировъ: Краподни и этого осла Бориса... Но, кажется, я ихъ хорошо проучила.

Вошла фрейлина Орѣшко-Референць.

— Что вамъ, Катенька?

— Его свѣтлость желаетъ видѣть вашу свѣтлость.

— Чего же у тебя такой испуганный видъ, дитя мое,—сказала княгиня,—проси его свѣтлость, а вы пока останьтесь, маркизь.

IV.

Его свѣтлость у ея свѣтлости.

Князь Альберикъ живо вошелъ въ приемную. На немъ былъ мундиръ гусарскаго полковника. Свое кѣпи онъ нахлобучилъ на голову женской статуи и поцѣловалъ жену въ сгибъ локтя, а Рибареру послалъ привѣтствіе концами пальцевъ. Марица молча смотрѣла на него.

У него были нѣсколько короткія ноги, и онъ былъ широкъ въ груди и въ плечахъ, слегка сутуловатый въ своемъ синемъ долманѣ. Онъ былъ блондинъ, но съ черными глазами при горбатымъ носѣ, а руки были бѣлыя, тонкія и большія. Концы свѣтлыхъ усовъ падали и придавали ему презрительное выраженіе.

— Сегодня вы неждали меня?—спросилъ онъ.

Марица указала на высокія деревья парка, виднѣвшіяся изъ оконъ парлуара:

— Я ждала васъ передъ этими вязами.

— Уже иронія! А я дружески пришелъ къ вамъ. Скажите, дорогой маркизь, не стѣсняю-ли я васъ?

— Если, ваше высочество, разрѣшите мнѣ удалиться...

Маркизь сталъ расшаркиваться, а князь подаль ему руку.

Когда Рибареръ вышелъ, князь весело сказалъ:

— А старичекъ съ раннего утра ухаживаетъ за вами.

— И вы ревнуете?

— Къ Рибареру? Ха, ха, ха! Но я васъ всегда немножко ревную: вы такая прелесть!

— Благодарю. Чему я обязана этой чести?

— Подумайте, вѣдь я уже нѣсколько мѣсяцевъ не ласкалъ вашихъ милыхъ рукъ.

Онъ приблизился къ княгинѣ, высоко-мѣрной и холодной, быстро откинулъ рукавъ и поцѣловалъ то мѣсто, которое только-что поцѣловала Катенька.

— Такъ вы для этого пришли?—вскричала она.

— И чтобы побранить васъ.

— Что-жъ, не стѣсняйтесь. Ведите себя, какъ дома.

— Вотъ что: правда-ли, что вы совсѣмъ рѣшили покинуть дворъ?

— Не правда-ли, какъ мнѣ весело и какъ я счастлива?

— По крайней мѣрѣ, я стараюсь...

— Вы? Оставимъ это.

— Нѣтъ, ужъ будемъ продолжать... Марица, если бы вы захотѣли...

— Но я не могу захотѣть. Я не могу быть согласна на все.

— Что же, значитъ, вы никогда меня не любили?

— Если бы!—произнесла княгиня,

И такъ, вы меня любили, Марица... Вѣдь это же что-нибудь значить!

— Это значитъ, что теперь я васъ не люблю.

— Марица, вы мстите за пустяки.

— За пустяки! Скажите, вы пришли съ намѣреніемъ запретить мнѣ поѣздку въ Пингрелію?

— Нѣтъ, Марица, жестокость не въ моемъ характерѣ.

— Мое отсутствіе вамъ обезпечитъ спокойствіе.

— Я жалѣю васъ... Для меня это будетъ грустью, чѣмъ вы думаете... Но, разъ вы уѣзжаете, сдѣлайте, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы это не носило характера размолвки, и завтра будьте непременно на балу.

Княгиня подумала и холодно согласилась.

— Съ однимъ условіемъ,—сказала она,—не будетъ никакихъ препятствій къ моему отъѣзду.

— Идетъ. И вы съ собою повезете кузена?

— Нѣтъ, онъ повезетъ меня на своемъ автомобилѣ въ девяносто лошадиныхъ силъ.

— Отличный автомобиль,—проворчалъ князь,—счастливецъ Михаилъ!

— Ужъ не раздѣляете-ли вы гнуснаго подозрѣнія относительно меня и друга моего дѣтства?

— Боже мой! Да что-жъ тутъ дурного? Мнѣ кажется, кромѣ того, что вы не способны мнѣ измѣнить. Марица, я виноватъ передъ вами, но наступитъ день, когда вы меня простите. Автомобили не всегда приводятъ къ желанной цѣли.

— Если бы я хотѣла васъ обмануть, я бы прямо сказала вамъ.

— Я тоже откровененъ...

— Но лучше бы вы скрывали немного гали «пустяки», какъ вы выражаетесь.

— Мои мальчишескія увлеченія? Ахъ, Марица, неужели это васъ заставляетъ страдать?

Пробило двѣнадцать часовъ.

— Ну, Альберикъ, я васъ больше не удерживаю, и, кажется, мы уже все переговорили.

— Неужели... все?

Вдругъ онъ схватилъ жену за талию и сталъ цѣловать ее въ затылокъ. Она три раза ударила въ гонгъ.

Вѣждала Катенька.

— Дѣточка, проводи его свѣтлость.

V.

Придворный балъ.

Въ огромной зеркальной галлерей въ замкѣ Стаско, скопированной съ версальской залы, собралось избранное общество всей Морениі.

Зеркальныя стѣны отражали ритмически кружащіяся въ вихрѣ вальса нарядныя пары.

Весь легионъ пажей фигурировалъ на праздникѣ. Большею частью, они были безбородые и бѣлокожіе юноши, съ маленькими ножками, съ тонкой таліей и волнующимися бедрами. На пальцахъ ихъ рукъ сверкали драгоценныя камни, губы были накрашены, а волосы на головѣ черезчуръ длинны.

Князь Альберикъ возсѣдалъ нѣкоторое время на высокомъ бархатномъ креслѣ, скрестивъ ноги, а возлѣ него сидѣла княгиня Марица, окруженная придворными дамами и сановниками. Подъ окнами дворца весело ревелъ толпа, привлеченная княжескимъ праздникомъ и влюбленная въ свою государыню. Марица три раза выходила на балконъ и раскланывалась съ народомъ.

Альберикъ сталъ смотрѣть на танцующихъ и слѣдить за женщинами. Онъ видѣлъ только уродовъ, которые его не привлекали, а на красавицъ онъ не обращалъ вниманія, потому что онъ ему уже принадлежали. Един-

ственная женщина, которая ему нравилась, несмотря на то, что онъ еще не такъ давно обладалъ ею, была его жена.

Вдругъ взгляды князя Альберика оживились.

— Послушайте, Рибареръ, кто эта брюнетка съ такими сладкими фиолетовыми глазами?

— Танцуетъ съ Борисомъ Пуламаромъ?

— Да.

— Герцогиня Марнагисъ.

— Жена стараго адмирала?

— Его жена? Какъ вамъ сказать... Рассказывають, что адмиралъ возилъ герцогиню въ Парижъ, когда она заболѣла. Докторъ осмотрѣлъ ее и сказалъ адмиралу, отведи его въ сторону: «дѣвушка въ лѣтахъ, и вы должны вашу дочь, какъ можно скорѣе, выдать замужъ».

— Какая забавная исторія!—весело вскричалъ князь.

Онъ сошелъ съ кресла и сталъ ухаживать за загадочной и молоденькой адмиральшей.

Между тѣмъ княгиня Марица, увѣренная въ томъ, что красота ея выше какихъ бы то ни было сравненій, слѣдила однимъ глазомъ за герцогиней Марнагисъ, улыбающейся его свѣтлости, а другимъ за княземъ Михаиломъ, который увивался за полноудой полковницей Меско. Странное, горькое чувство порождало въ сердцѣ княгини обѣ эти интриги. Она привыкла къ невѣрностямъ мужа, и въ князѣ Михаилѣ видѣла только брата; что же заставляло ее ревновать?

Княгиня-мать подошла къ Марицѣ.

— Вы страдаете?

— О, нѣтъ!

— Балъ недостаетъ только вашей улыбки... Пожалуйста, не смотрите такъ пристально на князя Михаила.

— Прикажете смотрѣть на князя и на герцогиню Марнагисъ?

— Пригласите кого-нибудь изъ министровъ на кадрили.

— Хорошо.

— Какъ неумоимъ кузень вашей свѣтлости,—сказалъ старый посланникъ, котораго пригласила Марица.

Эта пустая фраза опять уколола княгиню.

Михаилъ, въ самомъ дѣлѣ, сильно ухаживалъ за полковницей. Танцую, онъ нѣжно обнималъ ее за талию. Наконецъ, она сказала ему, показавъ глазами на Марицу:

— О, достанется вамъ!

— Но мы только братъ и сестра.

— Мало-ли чего не бываетъ! Я не люблю сплетень, но мнѣ кажется, что вы нарочно ухаживаете за мною, чтобы отвлечь вниманіе.

— Вотъ какой я лукавый! А между тѣмъ, вы мнѣ искренно нравитесь.

Когда они проносились мимо князя Альберика и герцогини Марнагисъ, до ихъ слуха долетѣла фраза:

— Вы прекрасны, какъ ночь.

Продолжая танцовать съ герцогиней, князь добился, наконецъ, согласія своей дамы на свиданіе, которое должно было состояться завтра въ три часа. А герцогиня выпросила, кетати, для престарѣлаго мужа орденъ Золотого Льва.

— Итакъ, до завтра,—сказалъ князь, оставляя даму и дѣлая ей поклонъ.

Къ герцогинѣ тотчасъ подошелъ Борисъ Пуламаръ. Его круглые, выпуклые глаза смотрѣли нагло, и онъ держался съ благородствомъ шулера. Онъ только числился комендантомъ и вѣчно находился въ отпуску съ сохраненіемъ жалованья. Усы его были нафабрены и голова напомажена.

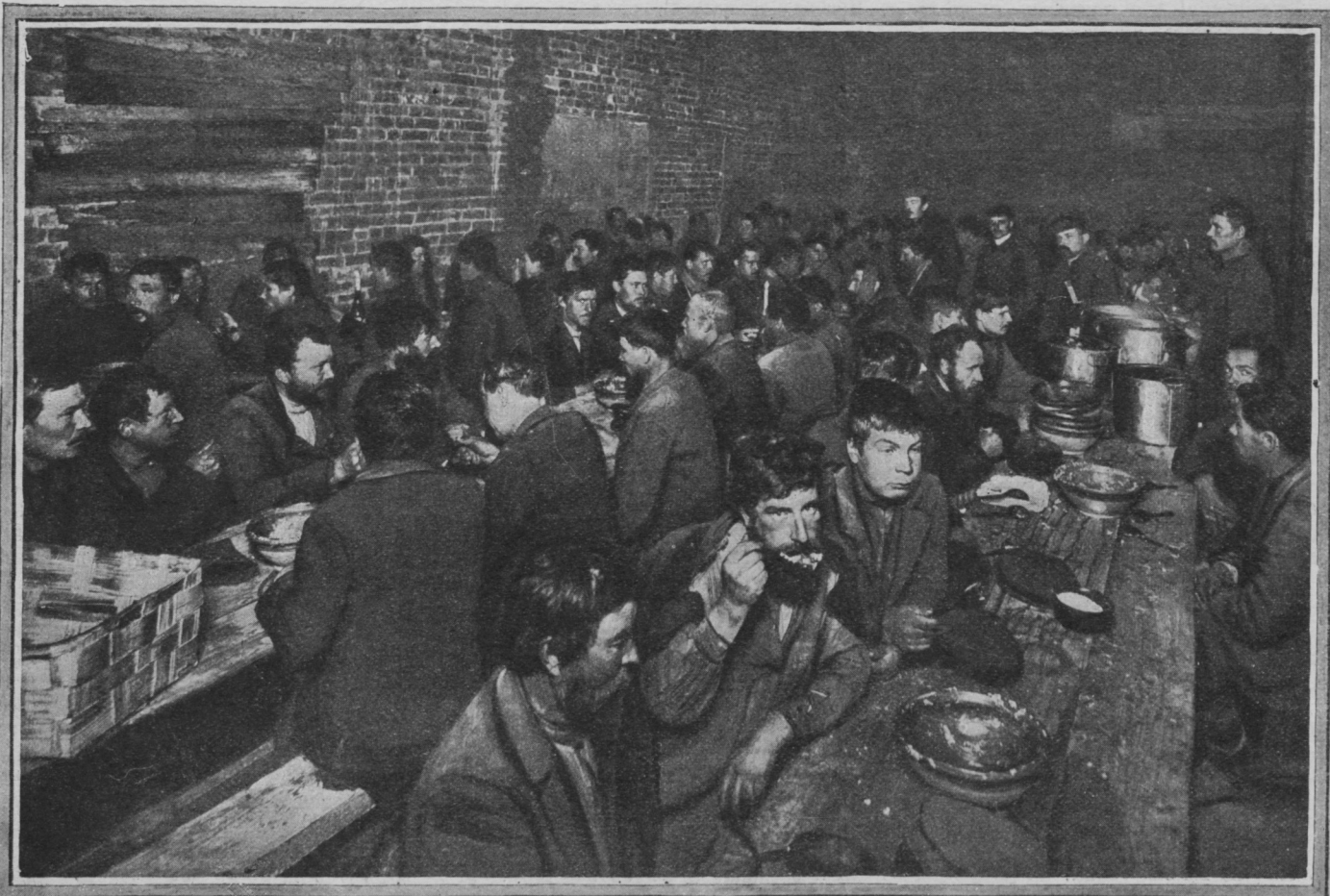
— Могу-ли я просить васъ на одинъ туръ вальса?

Къ борьбѣ съ холерою въ С.-Петербургѣ.

Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ» В. К. Булга.

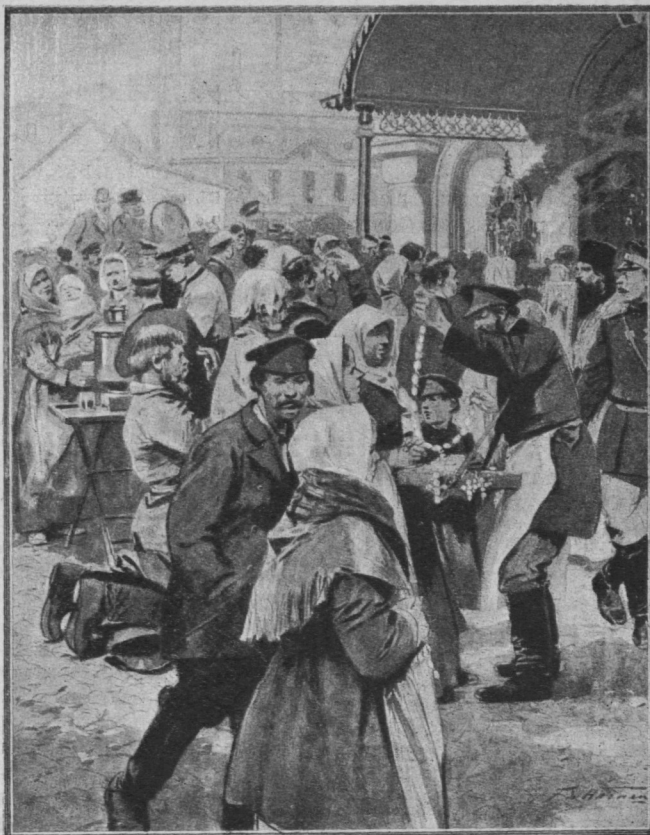
Открытие бесплатной столовой въ Александро-Невской лаврѣ, 15-го сентября с. г.

Открытие столовой для строительныѣ рабочихъ на набережной р. Фонтанки, 18-го сентября с. г.

Король болгарскій Фердинандъ, въ мундирѣ шефа австрійскаго лейбъ-гусарскаго полка.
Снимокъ, исполненный во время послѣдняго посѣщенія княземъ императора Франца-Иосифа.

Продажа мѣдныхъ предохранительныхъ отъ холеры пластинокъ и раздача бесплатнаго чая бѣднымъ жителямъ столицы.
Съ наброска художника Х. Куминга.

КЪ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ ПЕРСІИ.

Революціонеры, одержавшіе рядъ побѣдъ въ Тавризѣ, ведутъ мирные переговоры съ представителями шаха.

Онъ завертѣлъ герцогиню Марнагисъ и тихо спросилъ:

— Ключуль?

— Кто?

— Князь.

— А! онъ пообѣщалъ Золотого Льва адмиралу.

— А сегодня ночью я съ тобою поведу юсь?

— Нѣтъ, завтра въ шесть часовъ. А въ три часа у меня рандеву съ княземъ. Посмотри, какая она грустная.

— Кто?

— Княгиня. Та, которой князь предпочелъ меня.

Къ Марицѣ подошелъ, наконецъ, Михаилъ.

— Я убѣжаю.

— Уже?

— Боюсь компрометировать васъ своимъ присутствіемъ. На васъ клеветаютъ, кузина.

— А вы только теперь объ этомъ узнали?

— Я одно зналъ и знаю, что я васъ люблю. Между прочимъ, мнѣ сказали сейчасъ, что за мадамъ Меско вы сами приказали мнѣ поухаживать—для отвода глазъ.

— Что-жъ, она прехорошенькая... Хотите, будемъ говорить о любви, — нервно сказала княгиня.

— О любви! О какой?

— Только громко! О любви моего мужа къ герцогинѣ Марнагисъ. О любви маркизы Рибареръ къ своему мужу... Или полковницы къ вамъ.

— Какъ вы жестоки!

— Или, наконецъ, будемъ говорить о Станѣ Мороттѣ, возлюбившей...

— Кого?

— Гвардію... отечество... вселенную!

Баль продолжался до разсвѣта.

VI.

Мороттѣ клеветаетъ и подсматриваетъ.

Быль уже назначенъ день отъѣзда государыни. Графиня Мороттѣ изнемогала, строя планы поймать Марицу «на мѣстѣ преступленія». Наконецъ, у ней мелькнула дерзкая мысль. Она пригласила герцога Вальри къ себѣ.

— Ну, что?—спросила она,—есть у васъ факты?

— Никакихъ,—отвѣчалъ онъ.

— Мнѣ кажется, вы ужъ состарились и потеряли остроту зрѣнія. Скажите, пожалуйста, что же дѣлаютъ ваши агенты?

— Агенты смотрятъ и не видятъ того, чего нѣтъ.

— То есть, они не видятъ того, что есть.

— У васъ какой-то торжествующій видъ,—сказалъ герцогъ и пытливо воззривъ на раскрашенныя прелести старой интриганки.

— Еще бы не торжествовать мнѣ, когда я видѣла собственными глазами!

— Вы видѣли сами?

— Вчера въ паркѣ.

Вальри не повѣрилъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ довѣрчивые глаза.

— А, это другое дѣло, если вы можете засвидѣтельствовать.

— Я присягну.

— Графиня, не забывайте, — серьезно заговорилъ Вальри, — что я обязанъ доложить объ этомъ его высочеству.

— Конечно.

— Я только не знаю, въ какихъ выраженіяхъ доложить объ этомъ моему государю.

— Это было вчера,—начала Мороттѣ:—я вышла въ паркъ и сѣла на скамейкѣ, потому что мнѣ не спалось. Вдругъ слышу шорохъ. Я сидѣла въ тѣни, и мнѣ все было видно: прошла Марица въ легкомъ пенуа-

рѣ. Князь Михаилъ поджидалъ ее. Луна взглянула изъ-за тучъ и, какъ нарочно, освѣтила ихъ обоихъ, когда они бросились въ объятья другъ къ другу. Но скромность моя заставила меня замолчать. Ахъ, Вальри, я давно не видѣла ничего подобнаго! А между тѣмъ...

«Ты была любовницей адмирала Марнагиса, когда онъ былъ мичманомъ, старалъ вѣдьма!»—подумалъ Вальри и придалъ своему лицу любезное и внимательное выраженіе.

— Я не въ такихъ еще лѣтахъ, еще мнѣ бываетъ стыдно,—томно произнесла въ заключеніе графиня Мороттѣ.

Вальри всталъ и откланялся.

«Доложить-ли онъ князю?» — съ безпокойствомъ подумала графиня. И, разгоряченная своею собственною ложью, она рѣшила провѣрить справедливость подозрѣній, не торопя ни минуты времени. Изъ своей квартиры она прошла черезъ «Галерею Совѣта» на половину Марицы. Около четырехъ часовъ дня княгиня всегда принимала въ гостиной, отдѣланной въ стилѣ Людовика XVI и, обыкновенно, болтала тамъ съ Михаиломъ. Отъѣздъ княгини былъ назначенъ на завтра, и Мороттѣ торопилась подслушать сквозь полуприотворенную дверь хоть какую-нибудь фразу, чтобы подкрѣпить доносъ, сдѣланный ею начальнику полиціи. Она быстро двинулась впередъ, какъ хорошо откормленная старая мышь, и достигла завѣтныхъ дверей.

Дѣйствительно, въ гостиной сидѣла Марица съ Михаиломъ. Они говорили объ автомобиле Орбиско-Референцъ и Сонечку Громилину.

— Вотъ лишняя обуза!—разочарованно вскричалъ Михаилъ.

Но Марица настояла на своемъ.

— Ну, что дѣлать, — произнесъ онъ, вспомнивъ смуглую Катеньку:—вамъ пріятно повиноваться, кузина. Вы съ каждымъ днемъ становитесь все милѣе, все хорошеѣе, даже и улыбка чаще играетъ на вашихъ губкахъ.

— Улыбка? Но мнѣ плакать хочется. Первые слабые.

— Сами виноваты. Нервы имѣютъ свои требованія.

— Что же вы мнѣ посоветуете, докторъ?

— Вамъ бы слѣдовало хорошенько поцѣловаться.

— И ужъ не съ вами-ли?

— Не шутите, Марица. Съ дѣтскихъ лѣтъ я мечтаю о васъ. Я еще помню васъ дѣвочкой. Тогда мы цѣловались.

— Чего же вамъ больше?

— Но, вѣдь, то были невинные поцѣлуи. Я, увы, былъ невиненъ. А потомъ появился этотъ Альберикъ со своею короною и богатствомъ... и увезъ васъ. Я сталъ несчастливъ. Да, вѣдь, и вы, Марица, не можете похвастаться счастьемъ.

— Да, Михаилъ. Главный источникъ всѣхъ моихъ несчастій—княгиня-мать. Она не хотѣла такой бѣдной дѣвочки... И она пустила въ ходъ все, чтобы поссорить меня съ мужемъ. Представьте себѣ, вѣдь, она подсовывала мнѣ даже фаворитовъ.

— Возможно-ли?

— А вы не знали?

— Я никому не позволяю при себѣ говорить дурно о васъ. Но теперь вы сами посвятите меня.

— Извольте. Я разъ вхожу къ себѣ въ спальню и вдругъ вижу капитана Бориса Пуламара,—онъ тогда былъ капитаномъ.

— Ахъ, какая низость!—вскричалъ Михаилъ и взялъ княгиню за руку.

— Хорошо, что я не успѣла раздѣться. Можете вообразить себѣ, какъ я стала кричать.

— Отъ страха?

— И отъ злости.

— А онъ?

— Онъ сталъ умолять меня, чтобы я не кричала, потому что я погублю его крикомъ. Но я сообразила, что, именно, надо кричать, а иначе его могли все-таки назвать моимъ любовникомъ.

— И что же сдѣлали съ капитаномъ?—спросилъ Михаилъ, лаская руку княгини.

— Его произвели въ майоры и назначили комендантомъ... Не хотите-ли вы также получить слѣдующій чинъ?

— Я?

— Въ такомъ случаѣ оставьте мою руку.

— Злая!

— Точно также злою назвалъ меня Борисъ Пуламаръ и еще Краподини.

— Итальянскій художникъ?

— Да.

— Авторъ вашего мифологическаго портрета?

— Въ видѣ Дианы-охотницы съ лукомъ и стрѣлами. Князю пришла блажь имѣть мой портретъ въ античной туникѣ. Я, наконецъ, согласилась, но съ тѣмъ, чтобы мужъ былъ возлѣ меня во время сеансовъ. Князь повертѣлся съ полчася къ ушелъ изъ мастерской, а Краподини, котораго раньше настроила мамаша, вдругъ бросился къ моимъ колѣнямъ, обнявъ меня за ноги, и сталъ увѣрять, что влюбленъ въ меня. Я расхохоталась нервнымъ смѣхомъ, а онъ все держалъ меня за ноги.

— Вы опять начали кричать?

— Нѣтъ, я сдѣлала лучше. Я схватила его за усы. Они у него такіе длинныя и, должно быть, чувствительныя,—и стала все тянуть, тянуть, что было моихъ силъ. Онъ захрипѣлъ, заревѣлъ, а я протащила его черезъ всю мастерскую—и, кажется, недурно проучила его... Больше я не захотѣла позировать.

Михаилъ опять взялъ ее за руку.

— Не трогайте моей руки. Вы должны знать разъ навсегда: я не могу быть вашей.

— И все-таки я васъ люблю, люблю!

Тутъ Михаилъ протянулъ губы и, такъ какъ княгиня отвернулась отъ него, онъ слегка поцѣловалъ ея прелестный бѣлокурый затылокъ.

«Вотъ я и увидѣла»,—со вздохомъ облегченія радостно сказала себѣ графиня Мороттѣ и вошла въ гостиную.

— Извините, ваша свѣтлость, ахъ, извините, я вамъ помѣшала.

— Нѣтъ, нисколько, графиня... И къ тому же кузенъ собирался уже уходить.

Михаилъ поклонился и ушелъ съ самымъ корректнымъ видомъ.

— Какой прекрасный молодой человекъ!—съ восторгомъ вскричала графиня.

— Да, я его очень люблю.

— И какъ хорошо вы дѣлаете. Надо всегда имѣть друга по душѣ.

— Я въ этомъ убѣждена, — сухо сказала княгиня.

— Вотъ только, можетъ быть, немножко вѣтренъ. Но они всѣ на одинъ аршинъ. И хотъ пришей ихъ, а, въ концѣ-концовъ, обмануть.

— Но позвольте. Съ какой стати вы мнѣ это говорите?—вскричала княгиня.

— Просто такъ: о многомъ думала и многое видѣла. Жизнь научила меня быть снисходительной. Старая Стана искони управляла при этомъ дворѣ министерствомъ любви. Если бы вы знали, какъ я предана династіи!

Княгиня вспомнила, что древняя красавица эта была въ связи еще съ дѣдомъ Альберика, съ его отцомъ, и первые уроки любви Альберику преподавала она же.

— Да,—сказала княгиня,—ваша преданность династіи мнѣ хорошо известна.

— Если такъ, почему же вы до сихъ поръ

не доверились мнѣ? Я изъ тѣхъ, что все извиняютъ и все прощаютъ.

— Прекрасно, мадамъ,—вспыливъ, сказала княгиня,—но я не нуждаюсь ни въ извиненіи, ни въ прощеніи. Ко мнѣ ваша снисходительность не можетъ относиться.

— Напрасно. Я, вѣдь, знаю о вашихъ нѣжныхъ чувствахъ къ князю Михаилу и нахожу ихъ совершенно законными.

Обѣ женщины измѣрили другъ друга взглядами.

— Вы обвиняете меня въ связи съ моимъ кузеномъ?

— Нисколько. За связь я не обвиняю васъ. А обвиняю васъ въ неблагоразуміи, съ какимъ вы ведете интригу. О, если бы вы захотѣли получить отъ меня нѣсколько добрыхъ совѣтовъ!

— Довольно!—гнѣвно вскричала княгиня,—уйдите!

УІІ.

Занятой князь.

Князь Альберикъ сидѣлъ въ своемъ безконечно длинномъ кабинетѣ. Посрединѣ стояло огромное американское бюро. При одномъ взглядѣ на такое бюро чувствовалась робость. Оно все было въ бюварахъ, въ картонкахъ, въ чернильницахъ и завалено дѣлами въ синихъ обложкахъ.

Все приглашало владѣтельнаго труженика работать и писать. А послѣ работы—отдыхать. Вдоль стѣны и какъ попало, въ живописномъ безпорядкѣ стояли глубокія и комфортабельныя кресла, а на полкахъ многочисленныхъ шкафовъ блестѣли корешки такихъ серьезныхъ сочиненій, какъ «Исторія дипломатическихъ сношеній въ средней Европѣ», «Трактатъ сравнительной политики», «Вопросы государственнаго права», «Бюджетные документы» и проч., и проч. На самомъ дѣлѣ, въ корешкахъ хранились всевъѣмъ другія книги. Все, что есть самага пернографическаго во всемирной литературѣ, сосредоточено было въ кабинетѣ. «Бюджетные документы» же были наполнены «снимками съ натуры». Прямо противъ князя висѣлъ портретъ Марицы, написанный Краполини.

Только-что засѣдалъ въ кабинетѣ совѣтъ министровъ. Князь курилъ изъ огромной фарфоровой трубки и попиывалъ абсентъ, опрокинувшись въ креслѣ и положивъ ноги на столъ. Послышалось легкое царапанье въ дверь.

Дверь раскрылась, и гофурьеръ торжественно провозгласилъ:

— Ея свѣтлость княгиня-мать! И ея сіятельство графиня Мороттэ!

Альберикъ всталъ съ утомленнымъ лицомъ.

— Чему обязанъ?

— Необыкновенно важное происшествіе.

— Республика Санъ-Марино объявила намъ войну? Или швейцарскій флотъ угрожаетъ европейскому равновѣсію?

— Дѣло касается княгини Марицы,—торжественно сказала княгиня-мать.

— Она заказала себѣ новую шляпу?

«Головное украшеніе—только не для себя», подумала графиня Мороттэ съ лукавой ужимкой.

— Сынь мой, княгиня Марица васъ обманываетъ!

— Ахъ, я самъ ее обманываю! Впрочемъ, долженъ сказать, что я не вѣрю въ измѣну Марицы.

— Стана ихъ видѣла!—вскричала княгиня-мать.

— Кого?

— Марицу и Михаила.

— И я ихъ видѣлъ. Они—близкіе родственники. Было бы странно... Но гдѣ же доказательства?

— Неужели Вальри вамъ ничего не до-

кладывалъ?—спросила графиня Мороттэ съ негодованіемъ.

— Позвать Вальри! И онъ, оказывается, заинтересованъ въ моихъ несчастьяхъ!

— Ваша свѣтлость, — начала графиня —я сейчасъ застала княгиню и ея кузена въ самомъ недвусмысленномъ положеніи.

— Напримѣръ?

— Я собственными глазами видѣла, какъ онъ поцѣловалъ ее въ затылокъ...

— А! И что же вы сдѣлали?

— Я вошла въ гостиную и помѣшала. Конечно, я воспользовалась случаемъ дать княгинѣ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ.

— А княгиня не стала слушать вашихъ совѣтовъ?

— Да, и она меня выгнала.

Поспѣшно вошелъ герцогъ Вальри.

— Мой милый Вальри, — сказала Альберикъ, — расскажите, что вамъ извѣстно о моей женѣ? Пока я только знаю, что князь Михаилъ поцѣловалъ ее въ затылокъ, который, надо замѣтить, великолѣпенъ.

Вальри почтительно рассказалъ князю то, что онъ зналъ со словъ графини Мороттэ.

— Агентъ или, правильнѣе, агентша, которая сообщила мнѣ эти свѣдѣнія, виѣ всякаго подозрѣнія. Но, разумеется, я не могу назвать ея имени.

— Я бы хотѣлъ поговорить съ княгиней.

— Но она забросаетъ грязью Вальри, графиню и меня! — вскричала княгиня-мать, —она начнетъ увѣрять, что противъ нея интрига!

— Должна же она защищаться! А вы какъ думаете, Вальри?

— Я полагаю, ваша свѣтлость, что княгиня станетъ отрицать свою вину... Обыкновенная система всѣхъ виновныхъ.

— А какая же система невинныхъ?—спросилъ Альберикъ.

Княгиня-мать закричала:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Подобныя объясненія съ женою нетактичны и страшно тяжелы.

— Тяжелы, правда,—согласился князь и ударилъ въ серебряный гонгъ.

— Позвать ко мнѣ сейчасъ Рибарера!

Графиня Мороттэ пробормотала:

— Рибареръ—сообщникъ княгини.

— Сообщникъ? Ну, такъ я же его!

— Умоляю, не выходите изъ себя, сынь мой!

Едва Рибареръ явился, князь спросилъ:

— Какъ вы думаете, зачѣмъ я васъ позвалъ?

— Прошу извинить, я не догадываюсь.

— Весь дворъ знаетъ, а вамъ ничего неизвѣстно.

— А, вы изволите говорить о завтрашнемъ отъѣздѣ княгини Марицы?

— Нечего играть въ прятки,—замѣтилъ Альберикъ,—я все знаю. Княгиня меня обманываетъ.

Маркизь Рибареръ страстно вступился за княгиню.

— Вы считаете ее невинной?—спросилъ князь.

— Я вижу только, что она—жертва какого-то подлаго заговора.

— Княгиня, по-вашему, безупречна?

— Клянусь, княгиня Марица—чистѣйшая изъ женщинъ.

— Клятвы ничего не стоятъ тамъ, гдѣ факты краснорѣчивѣе ихъ.

— Позволю себѣ выразить сожалѣніе, что ваша свѣтлость вѣритъ дряннымъ фактамъ.

Альберикъ вспылилъ.

— Вы забываетесь, Рибареръ, и поэтому прошу не удивляться, если я потребую отъ васъ...

— Уступите мое мѣсто герцогу Вальри?

— А вы этого ожидали?

— Неожиданнаго всегда надо ждать,—сказалъ Рибареръ.

По знаку князя онъ поклонился и съ достоинствомъ вышелъ.

УІІІ.

Отъѣздъ.

Вещи были уложены. На половинѣ княгини Марицы были тотъ безпорядокъ, какой бываетъ передъ отъѣздомъ въ дальнюю дорогу. Всѣ тысяча пятьсотъ тридцать восемь коробокъ и шкатулокъ были обернуты бумагой и составлены по угламъ въ видѣ пирамидъ.

Катенька одѣлась сообразно съ обстоятельствами: на ней былъ костюмъ циклистки, приводившій въ ужасъ княгиню-мать, шотландскіе чулки и высокія желтыя ботинки. На Сонечкѣ—фулярная голубая шемизетка и коротенькая юбка.

Обѣ фрейлины болтали въ веселомъ возбужденіи.

Бѣлокурую Сою Громилину считали всеобразомъ невинности, и глаза ея были робко опущены—большіе голубые глаза съ темными рѣсницами, а на лицѣ вспыхивалъ первый румянецъ.

— Мы странно запылимся,—вскричала Катенька:—въ какомъ видѣ мы пріѣдемъ!

— Мнѣ почему-то кажется, Катенька, что это прелестное путешествіе, которое будетъ продолжаться восемь часовъ, доставитъ тебѣ особое удовольствіе. О пыли ты можешь не беспокоиться.

— Не знаю,—отвѣчала Катенька:—дай Богъ! Вообще же я беспокоюсь. Вчера, въ замкѣ, вечеромъ, былъ семейный совѣтъ, а ночью маркиза Рибареръ имѣла экстренную аудіенцію у княгини Марицы.

— Я догадываюсь,—сказала Сонечка:—княгиню подозреваютъ въ томъ, въ чемъ она невинна. Слѣдовало бы спросить насъ.

— Бѣдная княгиня! Возможно, что она больше не возвратится въ Стаско!

— Хорошая перспектива для насъ!

— Сонечка, дѣло насъ мало касается.

— Ахъ, Катенька, я уже знаю, что ты влюблена въ князя Михаила. Ты настолько сентиментальна, что не въ состояніи дать ему отпоръ. Вотъ, почему я и говорю, что восьмичасовое путешествіе можетъ внести очень многое въ нашу жизнь. Я великодушна, Катенька. Если я не могу владѣть твоимъ сердцемъ безраздѣльно, то я устрою тебя съ княземъ Михаиломъ. Милая, ты должна быть его женой.

Дверь быстро раскрылась, и вошелъ князь Альберикъ.

— Ступайте, доложите княгинѣ, что я хочу ее видѣть.

Альберикъ не спалъ всю ночь. Въ душѣ его продолжало жить сомнѣніе въ виновности Марицы. Дѣвушки убѣждали, и онъ нервно прохаживался въ ожиданіи жены.

Княгиня вышла въ костюмѣ автомобилки. Свѣтлый полотняный каверкотъ облегалъ ея стройную фигуру гармоничными складками, и лицо ея, подъ бѣлою вуалью и увѣчанное сѣрымъ фетромъ, показало Альберикъ еще интереснѣе и прекраснѣе.

— «Положительно, я влюбленъ въ свою жену»,—подумалъ онъ.

— Васъ не удивляетъ мой визитъ?—спросилъ князь.

— Я была бы удивлена, если бы вы не пришли.

Свистокъ автомобиля проревѣлъ и прорѣзалъ воздухъ. Княгиня увидѣла машину, остановившуюся у перрона, подбѣжала къ окну и закричала:

— Черезъ пять минутъ.

Альберикъ почувствовалъ приступъ страш-

III-я осенняя выставка картинъ въ С.-Петербургѣ.

Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ», В. К. Булла.

«Сплетницы», группа И. Жукова.

«Изъ-за угла», скульптура И. Жукова.

Третья осенняя выставка, на дняхъ открытая въ С.-Петербургѣ, является, по времени, первою въ наступившемъ выставочномъ сезонѣ. Представляя частное предприятие, она не даетъ систематическаго подбора произведений какого бы то ни было направления. Такою же пестротою и случайностью въ выборѣ отличаются и входящія въ ее составъ произведения

иностранныхъ художниковъ. Весьма опредѣленные по своей манерѣ художники, какъ Детайль и Невиль, представлены эскизами, дающими весьма слабое понятие о дарованіяхъ этихъ искусныхъ баталистовъ. Другіе эскизы и этюды иностранныхъ художниковъ, отражая разнообразныя приемы современной техники, также не даютъ сколько-нибудь яркихъ

положительныхъ или, хотя бы, отрицательныхъ — образцовъ. Цѣльнѣе ихъ — воспроизводимая нами картина французскаго художника Жана Тиссо «Приидите ко мнѣ все трудящіяся», хотя колоритъ ея страдаетъ чернотою, а рисунокъ далеко не безупреченъ. Это — одна изъ тѣхъ работъ иллюстраціоннаго характера, которыми прославился французскій художникъ Рошросеъ; огромная картина его «Погоня за счастьемъ» въ свое время шумѣла и въ Петербургѣ. Три скульптуры начинающаго ваятеля-самоучки И. Жукова, снимки съ которыхъ мы воспроизводимъ на этихъ страницахъ, обличаютъ способности, которыя при благоприятныхъ условіяхъ, быть можетъ, выразятся въ болѣе соразмѣрныхъ и чуждыхъ преувеличенія формахъ. Портретъ писательницы О. Г. Базанкуръ набросанъ г-жею Клокачевой, съ присущей этой художницѣ умѣlostью; главное его достоинство — сходство лица, искупающее нѣкоторую, быть можетъ, преднамѣренную небрежность въ обрисовкѣ фигуры.

Изъ многочисленныхъ пейзажей, фигурирующихъ на выставкѣ, отмѣтимъ большую картину А. Федорова «Лѣсная глушь», хотя передній планъ трактованъ слишкомъ поверхностно, въ пейзажѣ чувствуется обаяніе сѣверной природы.

«Портретъ писательницы О. Г. Базанкуръ», рисунокъ Е. Клокачевой.

«Неудачникъ», скульптура И. Жукова.

III-я осенняя выставка картинъ въ С.-Петербургѣ.

Со снимка фотографа журнала «Огонекъ», В. К. Булла

«Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся», картина французскаго художника Жана Тиссо.

наго гнѣва, который еще усилился, когда онъ услышалъ голосъ князя Михаила:

— Я подожду, хорошо, но не больше пяти минутъ.

— Послушайте, я говорю съ вами!—сердито сказалъ Альберикъ.

— Вы нарочно встали, чтобы прійти ко мнѣ съ дерзостями?

— Не съ дерзостями, а потребовать отъ васъ признаній.

— Признаній? Какихъ? Что я сдѣлала?

— Вы лучше знаете. Скажите мнѣ правду.

— Какую?

— Марица, поклянитесь мнѣ, что вы скажете правду.

— Хорошо—клянусь!

— Благодарю.

Весь гнѣвъ Альберика внезапно упалъ.

— Итакъ, Марица, я тебя слушаю,—сказалъ онъ.

— Очень мило съ вашей стороны, но только я не знаю, о чемъ я должна съ вами бесѣдовать. Скорѣе, время не терпитъ!

— Я все знаю.

— За чѣмъ же вы тогда спрашиваете? Альберикъ устремилъ на жену взглядъ судьи и сказалъ:

— Не бойся меня, я тебя еще люблю, и мнѣ хочется тебя простить.

— Меня не за что прощать.

— Марица! не упорствуй, признайся!

— Въ чемъ же, ради Бога, я должна признаться?

— Что ты меня обманываешь.

— Съ кѣмъ же?

— Съ княземъ Михаиломъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это черезчуръ! А стоило бы, разумѣется! Вы заслужили!

— Ты отрицаешь то, Марица, о чемъ знаешь весь свѣтъ.

— Если бы я обманула васъ, весь свѣтъ одобрилъ бы меня, зная васъ. Но пока я вамъ вѣрна. Какіе негодяи оклеветали меня?

— Пожалуйста, безъ грубыхъ словъ. Нельзя называть негодяями маркиза Вальри, графиню Мороттэ и мою мать.

— Они посмѣли обвинить меня? Они?

— Успокойся, Марица.

— Пора ѣхать!—донесся голосъ Михаила, ворвавшись въ открытое окно,—я долженъ остановить моторъ. Очень жаль!

Шумъ автомобиля прекратился, и наступила торжественная тишина.

— Если бы ты была невинна,—сказалъ князь,—то не выходила бы изъ себя.

— А вы хотѣли бы, чтобы я выслушивала грязныя обвиненія съ улыбкой?

— Скажи, Марица, съ какой же стати моя мать стала бы возставать противъ тебя?

— Потому что она меня ненавидитъ—я безприданница. Быть можетъ, ей досадно, что я молода, хороша собой, что я добродѣтельна, почему я знаю! Найдите себѣ другую жену, которая больше подходила бы ко вкусамъ вашей мамы и графини Мороттэ.

— Оставимъ это, Марица. Такъ и быть, я прощаю тебя. Но только дай слово, что больше не будешь.

— Да не надо же мнѣ вашего прощанія!—закричала Марица и разрыдалась.

— Марица, если бы ты знала, какъ я люблю тебя, — съ тоской сказалъ князь.—Во имя любви...

Княгиня побѣжала къ дверямъ. Князь бросился за нею.

— Марица, Марица, вернись!

Она оттолкнула его со словами:

— Нѣтъ, кончено! Но я—любила васъ. Прощайте.

Альберикъ остановился и только слышалъ, какъ каблучки княгини быстро простучали по мраморной лѣстницѣ. Вѣки его задрожали, горло сжала легкая судорога. «Она меня любила!» Подошла къ окну, онъ

увидѣлъ, какъ княгиня просталась съ маркизой Рибарерь. «Я побѣгу къ ней и обниму ее», мелькнуло у него въ головѣ. Но тутъ онъ сообразилъ, что онъ — владѣтельная особа, и что ему приличнѣе быть безстрастнымъ.

Подоидя къ окну, Альберикъ увидѣлъ, какъ Марица сѣла рядомъ съ кузеномъ, какъ, подъ рукою шоффера, ожилъ моторъ, и какъ Солюшка и Катенька сѣли позади и прижались другъ къ другу.

Грянула пушка, и упалъ княжескій штандартъ въ знакъ траура. Марица обернула назадъ голову—увидѣла—и рыданія потрясли ея плечи. Альберикъ догадался по ея плечамъ, что она плачетъ.

«Чортъ возьми, какая я баба!»,—сказалъ онъ себѣ, и самъ расплакался. «Да, да, я ее простилъ бы, какъ бы она ни была виновна. Но какой скандалъ, если она невинна!»

Князь, справившись со своими чувствами, вышелъ на перронъ.

IX.

Паденіе.

Автомобиль мчался вдоль бѣлой дороги, оставляя за собою медленно тающія облака пыли. Онъ ревѣлъ и хрипѣлъ при встрѣчахъ, и скорость его возрастала. Отъ времени до времени Михаилъ обмѣнивался съ шоферомъ короткими фразами. Онъ дулся на Марицу за ея слезы.

— Знаешь что, Катенька, — шепнула Громила на ухо подругѣ:—твоя дѣла пошли съ самаго начала прекрасно. Кузень и кузина молчатъ, точно поссорились.

— Что-жъ изъ этого?

— А вотъ посмотримъ.

Дорога стала загибаться. Но обѣимъ сторонамъ зеленѣла трава. На горизонтѣ выдѣлялись рощицы.

Вдругъ всѣ сидѣвшіе въ автомобилѣ застыли отъ ужаса и судорожно перекосили рты: на крутомъ поворотѣ передъ автомобилемъ очутился толстый желѣзный барьеръ. Онъ былъ опущенъ противъ всякаго ожиданія. Михаилъ понялъ, что нѣтъ возможности избѣжать препятствія,—и круто повернулъ машину налѣво. Она подпрыгнула и опрокинулась на мягкую мураву. Механикъ, Катенька и Сонечка силою инерціи были выброшены въ разныя стороны и отдѣлались только крикомъ. Михаилъ зашибъ плечо и, поднявшись, бросился къ Марицѣ, которая встала, блѣдная и трепещущая, и пла, прихрамывая на одну ногу.

Послѣ первыхъ разспросовъ, какъ это случилось и почему и кто ушибся, и послѣ радостныхъ восклицаній, что паденіе было такое благополучное, было приступлено къ осмотру автомобиля. Онъ пострадалъ, но тоже не особенно. Разбился одинъ фонарь и согнулся рычагъ, и еще сломалась какая-то мелочь, которую, по объясненію механика, могъ поправить подъ его руководствомъ простой кузнецъ. Черезъ какихъ-нибудь три, четыре часа можно будетъ продолжать путешествіе.

Барьерный сторожъ, отставной солдатъ, давно уже стоялъ у порога своего домика съ самымъ растеряннымъ видомъ и кланялся путешественникамъ. Наконецъ, онъ отважился подойти къ нимъ съ обнаженной головой.

— Ваша свѣтлость.

— Вы откуда меня знаете?—спросила Марица.

— Я узналъ васъ по портрету... Какой несчастный случай... Простите, я виноватъ. Наше дѣло подвѣльное.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ эту фразу, на которую сначала никто не обратилъ вниманія.

— Это зашъ домикъ?—спросилъ Михаилъ.

— Такъ точно.

— А васъ зовутъ?

— Митрофаномъ.

— У васъ можно, надѣюсь, позавтракать?

— Я хотѣлъ, именно, просить вашу свѣтлость о великой чести заглянуть въ лату и выкушать стакачикъ чего-нибудь. А что касается завтрака, то свѣжія яички у меня найдутся, и пару цыплятокъ можно зарѣзать, какъ вернется дочка.

— За яички спасибо, цыплятъ не нужно, потому что мы понавезли съ собою провизіи.

— Самоваръ не поставитъ-ли?

— Самоваръ можно.

Путешественники направились къ хижинокъ Митрофана. Механикъ осмотрѣлъ цинковый ящикъ съ провизіей, и все оказалось въ порядкѣ. Разбилась влѣбезги только посуда, да нѣсколько бутылокъ вина.

Въ домикѣ Митрофана нашлось старинное спокойное кресло, и въ него бросилась Марица. Накрытъ былъ столъ, и всѣ удовольствовали свой голодь. Такъ какъ уцѣлѣлъ коньякъ, то Михаилъ уговорилъ дамъ выпить по рюмочкѣ.

— Скажите же, пожалуйста, добрѣйшій Митрофанъ, столъ соболзвнующій нашему приключенію, почему барьеръ оказался запертымъ, когда еще до поѣзда было далеко?

— Въ томъ-то и дѣло, господа, что тутъ какой-то злой умыселъ. Пришла телеграмма,—тайнственно продолжалъ онъ:—отъ самаго министра юстиціи, герцога Вальри, запереть барьеръ на весь день. Разумѣется, мнѣ было не вдомекъ. А теперь соображаю, что телеграмма была фальшивая.

По губамъ княгини пробѣжала горькая улыбка.

— У меня есть враги, Митрофанъ. Герцогъ Вальри едва-ли могъ дать фальшивую телеграмму.

Митрофанъ сдѣлалъ большіе глаза и поблѣднѣлъ.

— Ваша свѣтлость, — началъ онъ: — если бы мнѣ предложили выпить за здоровье герцога Вальри, я бы не выпилъ.

— Не пейте. Вотъ вамъ сто рублей за гостеприимство и за то, что вы не шли за герцога Вальри.

— У меня есть дочь, ей всего шестнадцать лѣтъ. Она поѣхала съ подругой въ горедь продать морковь, и за то, что она дала пощечину офицеру, который черезчуръ вольно обошелся съ нею, ее герцогъ Вальри отдралъ розгами... Да катати прихватилъ и подругу...

Послѣ завтрака Катя и Соня, переглянувшись, вышли на дорогу.

— Деликатность требуетъ оставить ихъ вдвоемъ,—сказала Катенька.

Лукавая улыбка передернула губы Сонечки.

— Ты чего смѣешься и не смотришь на меня?

— Такъ. Я увѣрена, что нетерпѣніе князя Михаила повредитъ ему... по крайней мѣрѣ, сегодня. Но какая ты милочка, Катюша. У тебя какой-то особый, привлекательный видъ. Въ твоемъ каверкотѣ, раздуваемомъ вѣтромъ, ты напоминаешь собой какую-то заморскую птицу... Сирна, что-ли... Пойдемъ подъ дерево и положимъ на травѣ. У меня голова разболѣлась, должно быть, отъ жары или отъ коньяка.

Послышались шаги. Фрейлины поднялись и увидѣли Митрофана, стоявшаго съ краснымъ флагомъ на пути, въ виду приближавшаго поѣзда, и князя Михаила, шедшаго къ дереву. Неизвѣстно, что произошло между кузеномъ и кузиною, когда они остались вдвоемъ. Должно быть, развязка была не особенно пріятна для кня-

зя. Опъ шелъ черезчуръ рѣшительнымъ шагомъ, и на лицѣ его проступало нервное выраженіе досады и почти гнѣва.

— Что случилось?—спросила Сонечка.

— Книгиня проситъ нашатырнаго спирту... Ничего особеннаго, но она просто не расположена,—съ легкой гримасой проговорилъ онъ.

Катенька хотѣла побѣждать къ своей обожаемой Марицѣ, но ее предупредила уже Сонечка.

— А ты оставайся, тебѣ не зачѣмъ!—бросила она подругѣ.

— Хорошо, останусь... если вы, князь, ничего не имѣете противъ моего общества?—весело и съ ироніей сказала Катенька молодому человѣку.

— А вы позволите побыть съ вами вдвоемъ?

— Еще бы! Мы такъ давно не были вдвоемъ—съ того самаго вечера— и вамъ, навѣрное, хочется со мной о многомъ переговорить.

— Давайте вашу руку и пойдемъ, пока чинять автомобиль—прогуляемся, вонъ, въ той роициѣ. Или вы боитесь меня?

— Отчего же? Съ вами не страшно. Но не правда-ли, вамъ нужно утѣшеніе?

— Я обжегся, Катенька, объ ледъ. Она—холодная женщина. Ахъ, я глупый! Блаженство—вы, и зачѣмъ его искать въ другомъ мѣстѣ?

— Не говорите такъ, если только вы—искренній человѣкъ.

— Я искренній. Отъ васъ зависитъ, чтобы я полюбилъ васъ еще горячѣе.

Мало-по-малу они углубились въ лѣсную чащу.

— Какъ хорошо!

— Мы въ храмѣ.

— Вы слишкомъ торжественно выражаетесь, князь. Если вы теперь любите меня, то на зло княгини. Что вы дѣлаете со мной?

Князь молча снималъ съ нея каверкотъ. И вдругъ свѣтлые глаза его приняли жестокое выраженіе. Онъ бросилъ кавертокъ на землю и приблизилъ къ Катенькѣ свое слишкомъ правильное бѣлокурое лицо «съ американскими улицами».

— Какъ бьется ваше сердце,—сказалъ онъ.

— Князь, — вскричала Катенька: — я умру, если вы меня обманете.

— Я не обману васъ.

— Ну, такъ цѣлуйте же меня, — съ первыми слезами вскричала Катенька, склоняясь подъ ласками князя.

X. Измѣна.

Князь Альберикъ недолго тосковалъ. Адмиралъ Марнагисъ былъ откомандированъ въ самый отдаленный портъ инспектировать отечественный флотъ, а прелестная супруга его Галина съ фиолетовыми глазами стала предметомъ исключительныхъ домогательствъ владѣтельной особы, и объ этомъ заговорила вся страна. Прямо стали говорить, что адмиральша сдѣлается княгиней. Правда, не легко было бы добиться развода съ Марицей, потому что папа къ ней благоволилъ, и въ ея судьбѣ принималъ участіе могущественный монархъ, сориться съ которымъ было бы крайне неблагоприятно маленкой Морени. Но Галина могла сдѣлаться мѣстной мадамъ Помпадуръ, а ея влияние на всю государственную жизнь Морени и на дворъ, навѣрно, пригяло бы самыя нежелательныя размѣры. Даже встревожились княгиня-мать и графиня Моротъ. Встревожился даже Вальри. Его могъ вытѣснить ничтожный комендантъ, Борисъ Пуламаръ.

Напрасно Вальри старался уронить своего бывшаго друга Пуламара во мѣстныя кня-

зя. Альберикъ ничему не хотѣлъ вѣрить и уже потому считалъ герцогиню Марнагисъ чистой и «безъ единого пятнышка», что она, несмотря на частыя свиданія, оставалась для него недоступной.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Промелькнула зима, весна, опитъ наступило лѣто. Опять адмиралъ получилъ командировку. Все больше и больше овладѣвала княземъ прелестная Галина. Онъ начиналъ терять терпѣніе. Между тѣмъ ненависть двора къ Галинѣ, наводившей на него страхъ, росла съ каждымъ днемъ. Вальри не спалъ ночей, и въ бесѣдахъ съ Моротъ и съ княгиней-матерью проговаривался:

— Мы сдѣлали ошибку. Мы избавились отъ княгини Марицы, въ виновность которой, между нами сказать, я совершенно не вѣрю, и не сегодня—завтра намъ сядетъ на шею дѣйствительно развратная Галина, и вотъ какъ возьметъ насъ въ руки!

Впрочемъ, Вальри зналъ, что съ Галиной Марнагисъ пока легко справиться, надо только выслѣдить ее!

Агенты донесли ему, что комендантъ Борисъ почуветъ въ домѣ адмирала.

Рано утромъ адмиральша еще потягивалась въ постели, а Пуламаръ сидѣлъ въ плафрокѣ стараго адмирала. пилъ кофе и курилъ.

— Неужели же ты, Галина, ни разу не измѣнила мнѣ съ княземъ?

— Видишь-ли, Борисъ, вовсе не потому, что я считаю это грѣхомъ. Но было бы неблагоприятно слишкомъ много позволять князю. Онъ изъ тѣхъ, которые мгновенно остываютъ къ своимъ жертвамъ. А, вѣдь, кромѣ Золотого Льва, который болтается на шеѣ моего мужа, я хотѣла бы добиться чего-нибудь существеннаго. Я хочу власти, Борисъ.

— Ахъ, вотъ чего мы хотимъ!
— Я бы назначила тебя военнымъ министромъ.

— Право, недурно!
Вбѣжала горничная съ испугомъ.

— Ваше сіятельство, князь Альберикъ пожаловалъ!

Борисъ прыгнулъ, какъ заяцъ, и мгновенно исчезъ въ уборной. Князь Альберикъ велѣлъ за горничной твердымъ шагомъ вошелъ въ спальню.

— Еще спите, или уже легли, герцогиня?—спросилъ князь.

— Еще сплю... могла-ли я предвидѣть, что вы пожалуете ко мнѣ такъ рано! Я читала всю ночь французскіе романы. Извините за страшный беспорядокъ. Да чего вы не садитесь?

— Благодарю—люблю ходить.

— Ужъ не пришли-ли вы меня звать обѣдать? Куда мы поѣдемъ?

— Обѣдать? Нѣтъ. Никуда не поѣдемъ.

— Какъ вы холодны. Вы кого-нибудь ждете?

— Да.

— У меня?

— У васъ.

— Кого же?

— Вальри. Войдите, Вальри.

Вальри вошелъ.

— Нашли его?

— Нашелъ,—съ торжествомъ отвѣчалъ Вальри.

— И оказался Борисъ Пуламаръ?

— Разумѣется, онъ... Да не угодно-ли взглянуть, ваше высочество, въ окно. Вонъ сбѣгаетъ съ лѣстницы черезъ ступеньку.

— Въ одномъ плафрокѣ?

— Остальной костюмъ его здѣсь, а плафрокъ принадлежитъ адмиралу.

— Бросьте ему его платье.

Вальри открылъ окно и бросилъ платье въ садъ.

— Комендантъ, комендантъ,—закричалъ онъ: — вы забыли ваши принадлежности!

— Теперь уходите, Вальри, благодарю васъ.

Министръ полиціи подобострастно раскланялся и ушелъ.

На другой день по городу ходилъ темный слухъ, что князь потушилъ, наконецъ, пламя своей страсти въ объятіяхъ адмиральши. Звѣзда ея закатилась навсегда.

По счастливой или несчастной случайности, въ тотъ же самый день въ Пингеліи, на берегу моря, въ замкѣ Варлашъ, въ старинномъ и прелестномъ зданіи, княгиня Марица тосковала или лѣнилась, облокотившись на подоконникъ раскрытаго окна, мечтательно устремивъ глаза вдаль. Съ пляжа доносился смѣхъ дѣтей и купальщицъ.

Къ Марицѣ подошелъ князь Михаилъ. Она узнала его шаги и вздрогнула.

Прошло столько мѣсяцевъ—почти годъ—и Марицѣ надоѣло быть одинокой.

— Вы опять явились?

— Даже не хотите посмотреть на меня!

— Но все съ тѣмъ же предложеніемъ?

— Марица, отчего не прокатиться ко мнѣ на дачу?

— Вы одни на дачѣ?

— Одинъ. Если бы вы знали, Марица, какъ я люблю васъ. Вы умница. Развѣ вы спроста предложили мнѣ вопросъ, одинъ-ли я? Намъ никто не помѣшаетъ.

Она вдругъ обернулась и остановила на немъ свои глаза съ золотыми искрами. Онъ протянулъ къ ней руки.

Къ обѣду кузень и кухня возвратились въ Варлашъ. Сидя въ кабриолетѣ, Марица смѣялась и проговорила:

— Порокъ гораздо проще, чѣмъ его воображаютъ. Но знаешь, Миша, я почему-то все время ревновала тебя къ Катѣ!

— Милая,—вскричалъ князь,—намъ теперь нѣтъ дѣла ни до кого въ мірѣ.

XI. Переговоры.

Хотя Вальри вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ своимъ другомъ, капитаномъ Борисомъ, и адмиральшей Марнагисъ, однако, характеръ князя Альберика заставлялъ его задумываться все серьезнѣе и серьезнѣе объ укрѣпленіи своего положенія. Князь подшучивалъ надъ нимъ и даже издѣвался. Не сегодня—завтра могла явиться новая помпадурша. Маркизь Рибареръ основалъ газету и въ ней горячо осуждалъ безпорядки, царившіе въ странѣ, и приписывалъ ихъ ссорѣ князя съ княгиней. Его партія становилась все внушительнѣе и грознѣе. Внѣшняя политика Морени тоже подверглась осложненію. Поведеніемъ князя Альберика были недовольны во всей Европѣ.

Однажды, просматривая статьи о себѣ и каррикатуры сатирическихъ журналовъ, Альберикъ сказалъ Вальри:

— Правду молвить, я съ большимъ интересомъ слѣжу за статьями Рибарера. Вѣроятно, я съ нимъ никогда не примирюсь. Но онъ—искренній человѣкъ. Опъ великолѣпно высмѣиваетъ нашъ дворъ—въ предѣлахъ, однако, законности—такъ что онъ неуязвимъ. Рассказъ о томъ, какъ княгиня-мать выбираетъ мнѣ невѣсть, заставилъ меня смѣяться до коликъ. Да, я начинаю сознавать, дорогой Вальри, что вы оказали мнѣ медвѣжью услугу,—свирѣпо заключилъ князь Альберикъ.—Я оплеванъ, осмѣянъ, и мнѣ грозятъ еще дипломатическимъ вмѣшательствомъ. Старая придворная партія наша, или какъ ее называютъ «камарилья», скомпрометтировала меня. Вальри, что дѣлать?

— Не разгнѣвайтесь на меня,—вдохновенно сказалъ Вальри.—Будьте великодушны. Вамъ ничего не стоитъ заставить замолчать Рибарера и всю европейскую печать и

† Знаменитый скрипачъ Пабло Сарасате.

Съ портрета, написаннаго знаменитымъ английскимъ художникомъ Уистлеромъ.

Скончавшійся въ Биаррицъ знаменитый скрипачъ Пабло Сарасате пользовался у себя на родинѣ величайшимъ почетомъ. При испанскомъ дворѣ его принимали какъ приближеннаго. Послеъ Паганини, почти никто изъ скрипачей не пользовался такою широкою европейскою популярностью, — хотя исполненіе Сарасате отличалось скорѣе техническими, чѣмъ творческими достоинствами. Въ своей автобиографіи Сарасате рассказываетъ слѣдующее: «Я родился 14-го марта 1844 г. въ Пампелонѣ, главномъ городѣ провинціи Наварра. Мой отецъ былъ военнымъ капельмейстеромъ. Я учился играть на скрипкѣ съ самаго ранняго возраста. Когда мнѣ было всего пять лѣтъ отъ роду, я уже игралъ въ присутствіи королевы Изабеллы. Мое исполненіе понравилось королевы и она назначила мнѣ пенсію, которая позволила мнѣ поѣхать въ Парижъ—учиться». Сарасате былъ любителемъ древностей и завзятымъ коллекционеромъ; особенно богато его собраніе тростей, украшенныхъ золотыми набалдашниками и инкрустацией изъ драгоценныхъ камней. Ко всему остальному, за исключеніемъ музыки, Сарасате относился безразлично; во время, напримѣръ, полугоднаго турнѣ по Америкѣ, онъ произносилъ только самыя необходимыя «обиходныя» слова.

Къ „золотой свадьбѣ“ знаменитаго норвежскаго писателя Бьернстерне-Бьернсона.

Послѣдній фотографическій портретъ писателя и его супруги Каролины, урожденной Реймерсъ.

Художественно-промышленная выставка въ С.-Петербургѣ.—Германскій отдѣлъ.

«Иоаннъ Креститель», майолика проф. Карла Корнгаса (Карлсруэ).

«Малютка», майолика знаменитаго германскаго художника Ганса Тома.

Н о в ѣ й ш і я м о д н ы я п р и ч е с к и .

1. Бальная прическа съ буклями. 2. Бальная прическа съ косою и цвѣтною гирляндой. 3. Прическа съ косою и гирляндой; видъ сзади. 4. Волнистая прическа. 5. Бальная прическа съ лентами.

Круглая вечерняя прическа.

Греческая вечерняя прическа съ шиньонъ и лентами.

вернуть благоволение европейских дворов, если вы вновь сойдется с ея свѣтлостью.

— Вальри, вы теперь принадлежите къ ея партіи?

— Такъ какъ я прямой человѣкъ, то я скажу прямо: я принадлежу къ партіи ея свѣтлости.

— Давно-ли?

— Съ этой минуты. И тѣмъ болѣе, что сомнѣваться въ ея виновности я началъ еще съ осени прошлаго года. Графиня Стана Мороттэ, потому что она была моимъ тайнымъ агентомъ, дѣйствительно оклеветала княгиню Марицу, а я имѣлъ слабость безусловно довѣриться ей.

— Вальри, — вскричалъ князь Альберикъ, вскакивая съ кресла. — Мы всѣ безхарактерные. Я долженъ былъ бы предать васъ мучительнѣйшей казни, въ нарушение всякихъ конституцій, и тѣмъ стяжать себѣ вѣчную признательность народа, а между тѣмъ я жму вамъ руку и говорю: заключимъ союзъ для возвращенія княгини Марицы. Можетъ быть, вы отъ этого не проиграете, а выиграете!

— Я увѣренъ въ этомъ. Княгиня Марица оцѣнитъ услугу, которую я ей намѣренъ, всѣмъ сердцемъ, оказать.

— Слушайте, Вальри, вѣдь, и я почти ни минуты не вѣрилъ... но все же мнѣ нужны доказательства обратнаго! Въ Варлашѣ княгиня постоянно видается съ княземъ Михаиломъ?

— Нѣтъ, она живетъ, какъ дѣвушка. А у меня есть точныя свѣдѣнія и даже перехвачена одна очень откровенная записочка, свидѣтельствующая, что князь Михаилъ состоитъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ фрейлиной ея высочества, Орѣшко-Референцъ.

— Я готовъ васъ обнять! — вскричалъ князь Альберикъ.

Вальри вынулъ записочку.

Князь прочиталъ ее и разорвалъ на мелкіе клочки.

— Довольно. У князя Михаила недурной вкусъ. И онъ часто съ нею видается?

— Ежедневно.

— И, значитъ, княгиня покровительствуетъ?

— Вѣрнѣе, они скрываютъ отъ нея всю правду и состоятъ на лиціи жениха и невѣсты, хотя на самомъ дѣлѣ они ведутъ себя, какъ мужъ и жена.

— Вотъ что, Вальри, побѣжайте сейчасъ въ Варлашъ, и попросите княгиню возвратиться. Попросите у нея прощенія отъ моего имени.

— Я сумѣю уговорить княгиню.

— Съ Богомъ!

Князь съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія Вальри. И каково было его разочарованіе и огорченіе, когда герцогъ явился съ длиннымъ носомъ.

— Княгиня объявила, что сердце ея уже сгорѣло, и что теперь возврата нѣтъ.

Князь Альберикъ прошелся взадъ и впередъ по кабинету.

— Вальри, надо еще что-нибудь предпринять.

— Необходимо.

— Что же, именно?

— Побѣжайте сами, ваша свѣтлость, въ Варлашъ.

Князь подумалъ и сказалъ:

— Вы правы, Вальри. Я поѣду.

ГЛАВА XII.

Спасеніе.

Княгиня Марица сидѣла въ гобеленовомъ салонѣ, выходившемъ тремя окнами прямо на море и ждала Рибареровъ, которые должны были пріѣхать къ ней изъ Градоленска. Въ этомъ же салонѣ сидѣла мать княгини, графиня Варлашъ. Ей

было около пятидесяти лѣтъ. Она очень рано посѣдѣла — можетъ, отъ вдовей жизни — и теперь размовка Альберика съ Марицей постоянно терзала ее. Къ этому слѣдуетъ присоединить денежные затрудненія, въ какихъ находилась графиня. Дочь привыкла къ расточительности, которая казалась матери невѣроятной. Марица платила по шестисотъ франковъ за дюжину платковъ и по тысячѣ за юбку.

— Нѣтъ возможности, душа моя, — ворчала графиня, пересматривая счета, пришедшіе съ послѣдней почтой, — нужны бѣшеные капиталы. Я очистила все на послѣдней недѣлѣ — и вдругъ опять. Въ такомъ случаѣ тебѣ слѣдовало обратиться къ Вальри, который, кстати, пріѣзжалъ съ самыми пріемлемыми предложеніями, а ты обошла съ нимъ такъ гордо, едва подала ему руку.

— Мамаша, если вы не заплатите...

— Я не заплачу.

— Мамаша, я тогда обращусь къ князю Михаилу!

— Боже тебя сохрани! Ни за что! Хорошо, я заплачу, но не дѣлай больше долговъ. Кстати, не слишкомъ-ли часто сталъ бывать у насъ князь Михаилъ?

— Мнѣ скучно безъ него, — сказала Марица.

— Но прежде онъ такъ часто не бывалъ.

— Прежде я могла обходиться безъ него.

Тутъ вошелъ князь Михаилъ, и графиня Варлашъ, сухо поздоровавшись съ нимъ, ушла.

— Кузина, вы отказались отъ примиренія съ княземъ Альберикомъ?

— Да. Вы рады этому? — съ улыбкой спросила княгиня.

— Радъ, конечно; но насколько это благоразумно? — отвѣчалъ онъ вопросомъ и хотѣлъ поцѣловать у нея руку.

Она отдернула ее.

— И вы говорите о благоразуміи!

Съ «правильными американскими ушами», лицо князя Михаила, сильно загорѣвшее въ послѣдніе дни, было освѣщено какой-то подозрительной радостью. Правда, онъ могъ радоваться больше всего тому, что княгиня Марица остается въ Варлашѣ. Но онъ могъ радоваться и тому, что начались переговоры о возвращеніи княгини Марицы въ Моренію. Марица смотрѣла на него и старалась угадать его мысли.

— Сегодня должны пріѣхать Рибареры, — сказала она. — Не знаю, почему-то я всего боюсь. Можетъ быть, они станутъ уговаривать меня вернуться? Мнѣ хочется побѣть съ тобою, Миша. Пойдемъ въ паркъ.

Объ-руку съ кузиной Михаилъ направился къ мраморной террасѣ, которая, окруженная кипарисами, отвѣсно выступала надъ моремъ.

Княгиня, по обыкновенію, облокотилась на баллюстраду, а князь Михаилъ сѣлъ близко около нея и обнялъ ее за талію. Было тихо. Воздухъ былъ чистый, розовый, благоуханный.

— Ты меня любишь, Миша?

— Я люблю тебя.

— Скажи, вѣдь, хорошо я сдѣлала, что отказалась? Если бы я сомнѣвалась въ тебѣ, я, конечно, бы уѣхала. Изъ двухъ дрянныхъ мужчинъ, разумѣется, лучше тотъ, у котораго сила, власть и деньги. Но ты такой чистый и хорошій. Признаться тебѣ въ чемъ-то? Я беременна.

— Марица!

— Не правда-ли, какое счастье?

— Марица, — простывая и пріходя въ себя, сказалъ князь Михаилъ, — ты не ошибаешься?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, у тебя просто нервный припадокъ...

— Я знаю свои нервные припадки.

— Въ такомъ случаѣ, Марица, — сказалъ онъ, цѣлуя ея руку, чтобы скрывать выраженіе своихъ глазъ, — надо подумать о счастьі нашего ребенка.

— То есть?

— То есть, тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть благоразумной. Ребенокъ долженъ родиться наследникомъ престола.

— Значитъ, я должна вернуться?

— Мой совѣтъ.

— А какъ же ты?

— Я буду продолжать тебя любить.

— Ты хочешь продолжать со мною связь въ Стаско? — гордо вскричала Марица. — Этого никогда не будетъ! За кого ты меня принимаешь?

— Развѣ нельзя примирить?

— Это было бы гнусно. Я не способна на гнусности. Михаилъ, ты хочешь отдѣлаться отъ меня, скажи прямо? Можетъ быть, и моя страсть не была къ тебѣ любовью? Я сумѣла бы подавить въ себѣ оскорбленное чувство. Призайся, можетъ быть, ты кого-нибудь любишь? Можетъ быть, ты ничѣмъ не лучше Альберика? О, что-жъ, я вернусь въ Стаско безъ сожалѣнія.

— Марица, Марица, что ты говоришь?! Въ чемъ ты обвиняешь меня? Какъ могъ у тебя повернуться языкъ?

Онъ схватилъ ее за руки, посадилъ къ себѣ на колѣни и осыпалъ поцѣлуями.

Вдругъ раздался пронзительный истерическій крикъ, и Катенька, давно подстергавшая Марицу и князя, выскочила изъ кустовъ, взбѣжала на террасу и закричала:

— Злые, злые! Будете вы прокляты! А! такъ вотъ гдѣ мои враги?! Михаилъ, княгиня, какъ вамъ не совѣстно! А я долго не вѣрила. Ты не любишь его, — закричала она на Марицу въ изступленіи: — и онъ не любитъ тебя!

Она заломила руки и зарыдала.

Князь Михаилъ стоялъ и упирался согнутыми пальцами о баллюстраду.

— И если бы другая была бы, вмѣсто васъ! А то, вѣдь, я не могу даже убить васъ, Марица... Вѣдь, я васъ такъ безумно любила и люблю.

— Успокойся, Катенька, — холодно произнесла княгиня.

— Я не могу успокоиться. Я считала васъ идеаломъ недоступности. Онъ клялся мнѣ, что любить меня одну...

Слезы опять брызнули изъ ея глазъ, и видѣ себя она побѣжала къ баллюстрадѣ. Ее не успѣли удержать, какъ она съ крикомъ: «Прощайте!» перегнулась черезъ парапетъ и упала въ море.

— Катенька! — закричала княгиня. — Катенька! Спасите! спасите! Она тонетъ!

Въ то время, какъ князь Михаилъ замеръ въ корректной позѣ, Марица быстрымъ движеніемъ растегнула на себѣ платье, сбросила юбку и, мгновенно оставшись въ костюмѣ купальницы, схватила пробковый кругъ и ринулась съ высоты въ море, вслѣдъ за Катенькой.

Княгиня хорошо плавала. Вода была ея стихія. Очувшись на поверхности, она увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя неподвижную, надувшуюся, какъ пузырь, мокрую массу: то была юбка Катеньки. Но пока княгиня подплыла къ утопающей, Катенька снова погрузилась. Въ то же время Марица почувствовала, что желтыя ботинки, которыхъ она не имѣла времени снять, страшно тяжелы.

«Ахъ, какой ужасъ, — подумала она, — какъ бы намъ обвить не утонуть!»

Все-таки она нырнула, схватила подъ водой Катеньку и сильнымъ ударомъ ноги подняла ее на поверхность. Катенька глотнула воздухъ, стала судорожно отбиваться и обвилась вокругъ руки Марицы.

Княгиня не потерялась и тащила Катень-

ку. Но скала была отвѣсна, и выбраться на берегъ можно было только, доплывши до пляжа. Молодая женщина стала задыхаться и, ослабѣвъ, чуть не выпустила Катеньку, которая опять глотнула воды, потеряла сознание и замерла.

«Тѣмъ лучше,—со вздохомъ облегченія подумала княгиня:—если бы не ботинки, которыя стали свинцовыми гирями! Надо только поддерживать ее на поверхности».

Послышался голосъ Михаила:

— Держитесь, еще одну минуту.

— Лодка, лодка!—закричала Марица:— скорѣе гребите! Я устала... Теряю силы... Катенька, уцѣпилась мнѣ за руку...

— Катенька съ вами! — не своимъ голосомъ вскричалъ Михаилъ, и лодка скользнула, какъ молнія.

Марица ухватила свободной рукой за бортъ лодки.

— Что, она мертвая? — съ ужасомъ вскричалъ Михаилъ.

— Мы приведемъ ее въ чувство. Она не могла такъ скоро захлебнуться.

Катеньку втащили въ лодку. Михаилъ прижалъ ее къ груди и съ тоской заглянулъ въ ея лицо.

— Скорѣе къ берегу! — приказала Марица. — Нѣжности будутъ потомъ.

Михаилъ помчалъ лодку къ берегу. По вдругъ онъ вспомнилъ, что Марица осталась въ водѣ.

— А вы? — вскричалъ онъ.

— Не бойтесь, я не утону. Я буду плавать, а мнѣ пришлите лодку съ пенюаромъ.

Она опрокинулась на спину и вперила глаза въ вечерній небеса, гдѣ плыли розовыя облака. Какія мысли приходили ей въ голову? Она съ грустью думала о Михаилѣ. Отчего же онъ не сказалъ ей, что у него такая близкая связь съ Катенькой? Его же она должна теперь предпочесть: Михаила или князя Альберика? Одинъ измѣняетъ, другой обманываетъ. Но тотъ, кто измѣняетъ, по крайней мѣрѣ, откровененъ, и его испортили условія придворной жизни. «Что же дѣлать? Не могу же я мстить ни ему, ни Катенькѣ, которая, къ тому же, ни въ чемъ не виновата. Глупенькая головка, трагическая натура! Хорошо! Надо немедленно все поправить и выйти съ честью изъ нелѣпаго положенія».

Княгиня приняла свое рѣшеніе: она уже знала, что надо сдѣлать.

Катеньку привели въ чувство на берегу. Михаилъ не отходилъ отъ нея. Но когда принесли пенюаръ, то кузенъ съелъ своимъ долгомъ доставить его лично кузинѣ. Онъ положилъ весла и одѣлъ Марицу.

— Ну, что? — спросилъ онъ, — кузина, какъ вы себя чувствуете?

— Скажите лучше, что съ Катенькой?

— Спасена. Она пришла въ себя. Около нея графиня Варлашъ.

— Надѣюсь, мамашѣ объяснили паденіе Катеньки несчастнымъ случаемъ?

— Разумѣется... Кузина, скажите, пожалуйста, какъ выразить мнѣ восторгъ мой чередъ вашимъ мужествомъ?

— Катенька—наивное созданіе. Мнѣ просто стало жаль ея.

— Положеніе наше чрезвычайно запуталось.

— Напротивъ, оно распуталось,—холодно сказала княгиня.

— Но, кузина, развѣ вы подъ сердцемъ не носите...

— Прошу васъ замолчать; я съ вами пошутила.

Лодка пристала къ каменной лѣстницѣ.

— Кузина, не сердитесь,—успѣлъ пролепетать Михаилъ. — Для меня вы были небеснымъ видѣніемъ.

Марица не стала слушать и побѣжала впередъ.

Въ столовой она увидѣла Катеньку, которая, окруженная слугами, лежала на шезлонгѣ.

Едва завидѣвъ княгиню, Катенька протянула къ ней объятія, и обѣ женщины заплакали другъ у друга на груди.

— О, простите, простите, — прошептала Катенька на ухо княгинѣ.

— Полно, успокойся, дѣточка,—прервала ее Марица.—И главное, не сердись за то, что я спасла тебѣ жизнь. Михаилъ—твой на вѣки. Онъ тебя очень любитъ и постарается заставить тебя жить безъ слезъ и безъ горя. Онъ будетъ твоимъ мужемъ.

Вошелъ слуга и доложилъ о пріѣздѣ маркиза и маркизы Рибареръ.

XIII.

Предложеніе.

Прошла недѣля.

На той же террасѣ, на берегу того же Чернаго моря, сидѣла княгиня Марица въ соломенномъ креслѣ и слушала маркиза Рибарера, который уговаривалъ ее остановиться на какомъ-нибудь опредѣленномъ рѣшеніи.

— Страна измучилась въ ожиданіи вашего возвращенія.

— Сказать вамъ правду,—начала княгиня, — я только тогда возвращусь въ Стаско, когда самъ Альберикъ пріѣдетъ ко мнѣ.

— Ваша свѣтлость, — съ улыбкой сказалъ Рибареръ,—я послалъ на свой страхъ секретную ноту въ Стаско, а сегодня получилъ телеграмму отъ его свѣтлости, что онъ завтра будетъ здѣсь.

— Онъ ѣдетъ сюда?—вскричала Марица.

— Слава о вашемъ подвигѣ гремитъ... Князь Альберикъ окончательно влюбился въ васъ, и ему нельзя вернуться безъ васъ; въ странѣ вспыхнетъ мятежъ.

Марица улыбнулась. Взглядъ ея загадочно устремился вдаль.

— Я очень рада, что онъ пріѣдетъ... Мнѣ кажется, я имѣла право поступить такъ, какъ поступила.

По аллеѣ, по направленію къ террасѣ, шли Катенька и князь Михаилъ.

XIV.

Миръ.

На другой день, вечеромъ, когда уже смеркалось, Марица стояла на пристани и, опираясь на зонтикъ, смотрѣла, какъ на горизонтѣ исчезаетъ пароходъ, уносившій Михаила и Катеньку. Молодые люди должны были испросить разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ у своихъ родныхъ.

Проводивъ пароходъ, Марица вернулась въ паркъ и сѣла на террасѣ. Она ждала теперь своего мужа. Прошло нѣсколько минутъ. Поѣздъ уже пришелъ. Марица взглянула на карманные часики и подумала, что еще десять минутъ, и Альберикъ будетъ у ея ногъ.

Графиня Варлашъ, не помня себя отъ радости, сидѣла въ комнатахъ.

Лакей въ новой ливреѣ прибѣжалъ къ террасѣ и, запыхавшись, объявилъ:

— Его свѣтлость, владѣтельный князь Мореніи!

— Да, это я! — вскричалъ Альберикъ, выбѣгая изъ-за кипарисовъ.

Онъ припалъ къ рукѣ Марицы.

— Вы здѣсь, Альберикъ?

— И вы ужъ догадались, что меня пришло къ вамъ?

— Конечно, ваша любовь къ живописнымъ пейзажамъ!

— Любовь къ красотѣ! — вскричалъ сынъ.

— И еще къ чему?

— И къ добродѣтели.

— Вы стали любить добродѣтель?

— Какъ вы похорошѣли, Марица!

— А вы похудѣли... впрочемъ, къ лицу. Вдовство вамъ принесло пользу.

Альберикъ сѣлъ рядомъ съ Марицей, взявъ ее за руку и сказалъ:

— Марица, я торжественно прошу у тебя...

— Моей руки?

— Руки — и прощенія. Я не могу жить безъ тебя, Марица. Я несправедливо подозрѣвалъ тебя.

— Вальри передалъ мнѣ, что вы отказались уже отъ всякихъ подозрѣній и отъ страннаго намѣренія простить меня за то, чего я не совершала.

— Но если бы даже... я, все равно, простилъ бы тебя двадцать разъ!.. Я обожаю тебя, Марица.

— Неужели?

— Если я тебѣ измѣнялъ, то потому, что мнѣ казалось, будто ты охладѣла ко мнѣ.

— Вы ошибались, мой прекрасный мужъ. Я васъ любила, но вы не хотѣли меня понять. Я жила одиноко, и клевета очернила меня.

— Какъ я могъ подумать, что ты могла измѣнить съ Михаиломъ, невѣсту котораго ты спасла на прошлой недѣлѣ!

— Вамъ это уже извѣстно?

— Вся Моренія только объ этомъ и говоритъ. Ты теперь—національная героиня.

— Боже, какъ я удачно нырнула!

— Что-жъ, Марица, миръ? — спросилъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Хорошо, Альберикъ, я не могу дольше вамъ противиться; но миръ на условіяхъ.

— На какихъ условіяхъ!

— Прежде всего, вы должны бросить вашу адмиральшу Марнагисъ.

— Давно брошена.

— Кромѣ того, Альберикъ, вы ничего не должны дѣлать безъ меня.

— Марица, хорошо! Дай поцѣловать твои губы.

— Въ-четвертыхъ, Альберикъ, вы купите въ Константинополѣ, или въ другомъ городѣ, дачу и подарите ее отъ моего имени графинѣ Мороттѣ съ тѣмъ, чтобы она жила на пей ровно двѣнадцать мѣсяцевъ въ году.

— Согласенъ и съ большимъ удовольствіемъ.

— Вы возстановите моего милого Рибарера во всѣхъ должностяхъ и званіяхъ.

— Идетъ! Но что я буду дѣлать съ Вальри?

— Вы создадите для него какую-нибудь синекуру.

— Пожалуй, онъ съ этимъ не примирится... Отчего же ты, Марица, ничего не просишь для Михаила?

— Ему ничего не нужно—я ужъ подарила ему Катеньку, и сама осталась съ одной Сонечкой. Ну, хорошо, сдѣлайте Михаила комендантомъ, вмѣсто Бориса, котораго положительно слѣдуетъ выслать.

— Бориса я ужъ выслалъ... по нѣкоторымъ политическимъ причинамъ.

— Очень рада.

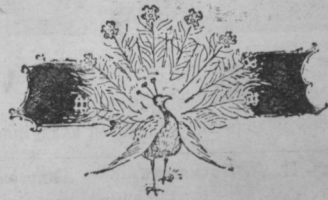
— Что еще?

— Тысячу рублей надо послать барьерному сторожу Митрофану, а почему, я расскажу тебѣ со временемъ.

— Тысяча рублей будетъ послана... А что тебѣ нужно, Марица, самой?

Она спрягала у него на груди голову и застѣнчиво проговорила:

— Наслѣдника престола.

Къ 200-лѣтію побѣды Петра Великаго надъ шведами при деревнѣ Лѣсной.

Со снимковъ корреспондента журнала „Огонекъ“, Д. Морица.

Церковь, сооруженная Петромъ Великимъ, въ память одержанной имъ побѣды.

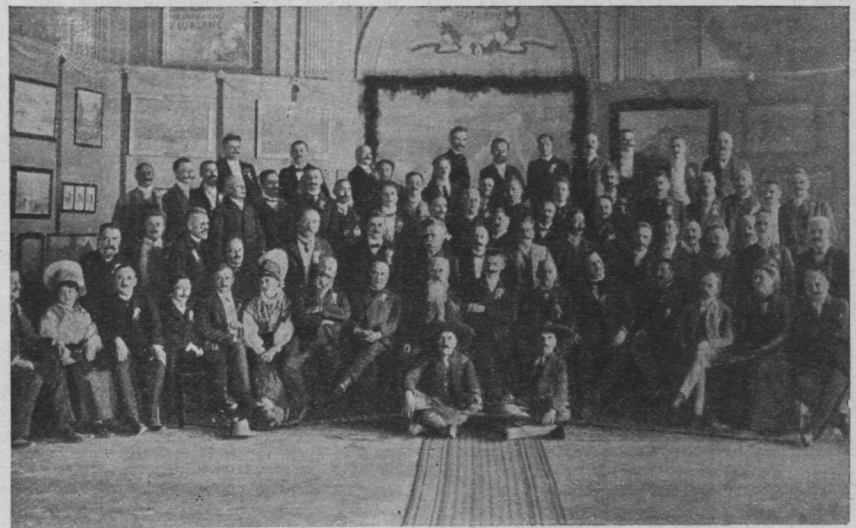

Деревня „Лѣсная“ (Могилевской губ. Быховскаго уѣзда), близъ которой одержана побѣда надъ шведами.

Люблянскій всеславянскій конгрессъ печати.

† П. Х. Шванебахъ,
членъ Государственнаго Совѣта.

Въ серединѣ группы сидятъ: предсѣдатель съѣзда, редакторъ самой большой пражской (младо-чешской) газеты „Narodni Listy“, д-ръ Холечекъ.

† Н. П. Гундобинъ,
профессоръ медико-хирургической академіи.

Къ новой эрѣ въ Турціи. — Вождь четы македонскихъ революціонерсовъ, сдавшійся турецкимъ офицерамъ и братающійся съ ними.

Паломничество въ пещеру усилилось, несмотря на строгій запретъ. Нѣкоторые посѣтители стали брать съ собою, благочестія ради, для исцѣленія больныхъ, волосы Игнатія, кожу его тѣла.

Съ теченіемъ времени нетлѣнное тѣло подвижника, никѣмъ не охраняемое, было совершенно разрушено.

О. Разумовъ засталъ, по его словамъ, «полную мерзость на мѣстѣ святѣ». Плахи, замѣнявшія гробъ, совсѣмъ сгнили, на нихъ въ беспорядкѣ накинута была небольшая куча камней для прикрытія черепа и одной кости, единственно оставшихся отъ тѣла отшельника.

По распоряженію епископа Іустина, усыпальница отшельника Игнатія была приведена въ порядок: останки его положены въ дубовый гробъ и совершенно было отпѣваніе. Сверху гроба красуется найденный при тѣлѣ крестъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано распоряженіе о «невозбранномъ служеніи панихидъ о рабѣ Божьемъ Игнатіи какъ въ пещерѣ, такъ и надъ гробомъ»...

***

Если личность томскаго отшельника Теодора Кузьмича, благодаря Августѣйшему изслѣдователю его жизни Великому Князю Николаю Михайловичу и другимъ исторіографамъ, все болѣе и болѣе выясняется, то полной загадкой является пока личность сергіевскаго отшельника, котораго народъ считаетъ родственнымъ по крови Императору Александру I-му.

Одно изъ причинъ такихъ загадокъ слѣдуетъ признать тѣ запреты, которые тяготѣли у насъ всегда надъ многими изысканіями въ области русской исторіи.

Въ своей брошюрѣ «Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ Теодора Кузьмича» Великій Князь Николай Михайловичъ говоритъ между прочимъ: «оказывается, что появленіе брошюръ о сибирскомъ старцѣ Теодорѣ Кузьмичѣ обратило на себя вниманіе оберъ-прокурора св. синода (К. П. Побѣдоносцева), который навелъ панику на духовенство, особенно черное, вѣроятно, вслѣдствіе ряда грозныхъ секретныхъ циркуляровъ».

«Одинъ изъ архіереевъ въ Новгородѣ, —передаетъ далѣе Великій Князь, —мнѣ лично разсказалъ нѣкоторые изъ эпизодовъ своей жизни въ связи съ легендой о старцѣ, попросилъ меня его не выдавать, во избѣжаніе несприятностей съ высшимъ начальствомъ».

Въ русской исторіи не мало загадокъ, для разгадки которыхъ необходимо разъ на всегда открыть широко двери всѣхъ архивовъ, между прочимъ, синодальныхъ, консисторскихъ и т. п., и уничтожить мѣры пресѣченія по отношенію къ изслѣдователямъ нашей старины...

М. Семеновъ.

Принцы-военные.

Военная служба принцевъ начинается, какъ извѣстно, почти что съ колыбели. Но при этомъ въ каждомъ государствѣ существуютъ свои обычаи. Испанскій наслѣдній принцъ, напримѣръ, вступилъ въ армию въ возрастѣ одного года, однако, не въ качествѣ офицера, а просто солдата-новобранца. Залисали его въ 1-й гвардейскій полкъ. Мать держала маленькаго новобранца на рукахъ и одѣтъ онъ былъ въ спеціально для этого дня сшитый, по всѣмъ правиламъ, солдатскій мундиръ. Послѣдовала обычная записъ: холость, не умѣетъ ни читать ни писать. Затѣмъ рукою маленькаго новобранца былъ сдѣланъ, вмѣсто подписи, крестъ. А въ казармѣ 1-го полка поставлена была кровать, для проформы, конечно, на которой вмѣсто принца положили его мундиръ.

Итальянскій наслѣдній принцъ, которому идетъ пятый годъ, еще не имѣетъ чина. Отецъ его, теперешній король, въ самомъ равномъ возрастѣ былъ уже внесенъ въ списки учебнаго судна «Карачиоло» и носилъ мундиръ офицера миплаго отряда до 12-ти лѣтъ, когда онъ надѣлъ форму военной школы.

Прусскіе принцы, когда имъ исполнится 10 лѣтъ, вносятся лейтенантами въ 1-й гвардейскій полкъ. Принцы английской королевской семьи вступаютъ въ армию или во флотъ попозднѣе. Сынъ принца Уэльскаго, напримѣръ, внесенъ въ списки обсерваторскаго морскаго училища 14-ти лѣтъ отъ роду. Сыновья князя болгарскаго, Борисъ и Кирилль, 17-ти и 18-ти лѣтъ, еще не вступили въ военную службу, но считаются: Борисъ—шефомъ 4-го пѣхотнаго, 4-го кавалерійскаго и 3-го артиллерійскаго полковъ, а принцъ Кирилль лейтенантомъ 4-го пѣхотнаго полка. Оба они записаны офицерами русскихъ пѣхотныхъ полковъ: Борисъ—34-го, Кирилль—54-го.

Черногорскіе князичи проходятъ болѣе строгую военную службу. Одинъ, 17-ти лѣтъ хотя имѣетъ Вѣлаго Орла, но состоитъ утеръ-офицеромъ. Другой, 15-ти лѣтъ, считается простымъ солдатомъ. Внуку румынскаго короля Карла имѣть офицерскій чинъ и носить въ торжественныхъ случаяхъ мундиръ, но въ повседневной жизни онъ кадетъ Яскаго корпуса, гдѣ происхожденіе его не даетъ ему никакихъ преимуществъ.

Продолжительность жизни у животныхъ.

Сколько лѣтъ живутъ въ среднемъ различныя животныя? Новѣйшія данныя устанавливаютъ на этотъ счетъ слѣдующія цифры. Собака, другъ человѣка, живетъ, къ сожалѣнію, мало—10—12 лѣтъ, достатая, впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ и 18—20. Кошки живутъ 9—10 лѣтъ. Но есть исключенія. Мечникову удалось уходомъ довести одну кошку до 23-лѣтняго возраста. Средняя продолжительность жизни у лошадей—25 лѣтъ. Но опять-таки, при особенномъ уходѣ, продолжительность эта увеличивается. Года два тому назадъ жилъ еще на почетномъ покой конь императора Вильгельма I. Извѣстенъ случай шотландскаго пони, жившаго 60 лѣтъ. О попугаяхъ разсказываютъ, что они живутъ нѣсколько сотъ лѣтъ. Это невѣрно. Средняя продолжительность ихъ 45—50 лѣтъ, но иногда они доживаютъ и до 100 лѣтъ: это самый большой срокъ. Долго живутъ хищныя птицы. Въ Шенбрунѣ (лѣтній дворецъ австрійскаго императора) одинъ орелъ жилъ 104, коршунъ—118 лѣтъ. Слоны не живутъ 500 лѣтъ, какъ о нихъ утверждаютъ, но доживаютъ до 100 и до 150 лѣтъ. Верблюды живутъ до 100 лѣтъ, черепаха—до 200 и больше. Изъ земныхъ существъ это, повидимому, самое долговѣчное.

Какъ пишутъ композиторы.

Великіе композиторы вдохновляются для творчества иной разъ при весьма своеобразныхъ условіяхъ.

Сальери вдохновлялся только жизнью шумныхъ улицъ, а въ процессѣ творчества услаждалъ себя всякими лакомствами. Гендель, напротивъ, искалъ уединенія; только забившись въ заброшенный уголокъ кладбища, онъ вполне овладевалъ своими мыслями.

Гайндъ былъ въ высшей степени религіозенъ; ни одной композиціи онъ не начиналъ, не совершивъ молитвы. Его рукописи снабжены надписью: «Именемъ Бога». Моцартъ находилъ неизсякаемые источники творчества въ чтеніи любимыхъ писателей: Гомера, Данте и Петрарки. Но всѣхъ оригинальнѣе былъ Францъ Шубертъ. Волшебнымъ инструментомъ, которому онъ обязанъ многими мелодіями, служила ему старая кофейная мельница, которую онъ унаследовалъ отъ предковъ въ числѣ прочей домашней утвари. Не одинъ разъ, вечерами, подъ тихое жужжанье мельницы, онъ изливалъ свои мысли въ чудныя мелодіи. Однажды онъ хотѣлъ угостить Лахнера чашкой мokka; Шубертъ принесъ свою мельницу, наполнилъ ее бобами, кофе и началъ молотъ. Вдругъ мельница легитъ въ уголъ, бобы сыплются во всѣ стороны, а Шубертъ со счастливой улыбкой идетъ къ фортепиано. Онъ находилъ давно мучившую его мелодію, которую и кладетъ въ основу своего прекраснаго De-Mol'наго квартета. Лишь послѣ этого, онъ бережно собралъ бобы и приготовилъ прекрасный кофе, такъ какъ и въ этой области онъ былъ виртуозомъ.

Мужчины и Женщины.

Изрѣченія А. П. Чехова.

Всѣ вы (мужчины) безразсудно губите лѣса, и скоро на землѣ ничего не останется. Точно такъ вы безразсудно губите человѣка, и скоро, благодаря вамъ, на землѣ не останется ни вѣрности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видѣть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что во всѣхъ васъ сидитъ бѣсъ разрушенія. Вамъ не жалъ ни лѣсовъ, ни птицъ, ни женщинъ, ни другъ друга.

(Елена Андреевна—«Дядя Ваня»).

Въ мужчинѣ главное не красота, а умъ.

(«Изъ запис. вспльч. человѣка»).

Счастье, ей Богу, этимъ шиньонамъ! Мужскому полу никогда такихъ привилегій не будетъ, какъ ихнему, дамскому.

(Пробкинъ—«Женское счастье»).

Женскому полу всегда во всемъ фортуна. Женщинѣ и въ солдаты не берутъ, и на танцовальныя вечера имъ бесплатно, и отъ тѣлеснаго наказанія освобождаютъ. А за какія спрашиваютъ заслуги? Дѣвица платокъ уронила—ты поднимай, она входитъ—ты вставай... А возьмите чины! Чтобъ достигнуть, положимъ, статскаго совѣтника, мнѣ или тебѣ нужно всю жизнь протрубить, а дѣвица въ какіе-нибудь полчаса обвѣчалась со статскимъ совѣтникомъ—вотъ ужъ она и персона. Чтобы мнѣ княземъ или графомъ сдѣлаться, нужно весь свѣтъ покорить, Шипку взять, въ министрѣхъ побывать, а какая-нибудь, прости Господи, Варенька или Катенька, молоко на губахъ не обсохло, покрутить передъ графомъ шлейфомъ, пощурить глазки—вотъ и ваше сятельство.

(Пробкинъ—«Женское счастье»).

Какая-нибудь дѣвица или дама изъ нашего круга можетъ генералу такое выпалить, чего ты и при экзекуторѣ не посмѣешь сказать... Твоя Марья Фоминна можетъ смѣло со статскимъ совѣтникомъ подъ ручку пройтись, а возьми-ка ты статскаго совѣтника подъ руку! Возьми-ка, попробуй... Во-ольшія, братъ, привилегіи у женскаго пола!

(Пробкинъ—«Женское счастье»).

Наивный мужчина—это дуракъ. Вы же, женщины, умудряетесь наивничать такъ, что это у васъ выходитъ и мило, и здорово, и тепло, и не такъ глупо, какъ кажется. Только что у васъ у всѣхъ за манера? Пока мужчина здоровъ, силенъ и веселъ, вы не обращаете на него никакого вниманія, но какъ только онъ покатылъ внизъ по наклонной плоскости и сталъ Лазаря пѣть, вы вѣшаетесь ему на шею. Развѣ быть женой сильнаго и храбраго человѣка хуже, чѣмъ быть сидѣлкой у какого-нибудь слезоточиваго неудачника?

(«Ивановъ»).

Нѣтъ, баба, хитрѣй вашего бабьяго рода на этомъ свѣтѣ и твари нѣтъ! Настоящаго ума въ васъ—ни Боже мой, меньше, чѣмъ у скворца. зато хитрости бѣсовской—у-у-у! Спаси Царица Небесная!

(Дьячокъ Гыкинъ—«Вѣдьма»).

Бабій глазъ видочій, какъ у кобца. У бабы глазъ острый.

(«Присшествіе»).

Отравила себя, чтобы казнить этимъ другого. Вѣдь это жестоко, безчеловѣчно. Ну, я виноватъ, я оскорбилъ, но неужели умереть легче, нежели простить! Вотъ ужъ именнѣ бабья логика. жестокая, немилосердная логика.

(«Слѣдователь»).

Если философствуетъ мужчина, то это будетъ философія, или тамъ софистика; если же философствуетъ женщина или двѣ женщины, то ужъ это будетъ—потяня меня за палецъ.

(Соленый—«Три сестры»).

Женщина можетъ быть другомъ мужчины лишь въ такой послѣдовательности: сначала пріятель потомъ любовница, а затѣмъ ужъ другъ.

(Астровъ—«Дядя Ваня»).

— Не помнишь-ли ты, куда я дѣвалъ свои очки сегодня утромъ?
— Нѣтъ, папа.
— Что за молодежь нынче: какая-то безпамятная!

Конечно, женщина есть женщина, а мужчина есть мужчина, но неужели все это такъ же просто въ наше время, какъ было до потопа, и неужели я, культурный человекъ, одаренный сложной духовной организацией, долженъ объяснить свое личное влеченіе къ женщинѣ только тѣмъ, что формы тѣла у нея иные, чѣмъ у меня? О, какъ бы это было ужасно! Мнѣ хочется думать, что борющийся съ природой человѣческой геній боролся и съ физической любовью, какъ съ врагамъ, и что если онъ и не побѣдилъ ее, то все же удалось ему опутать ее сѣтью иллюзій братства и любви; и для меня, по крайней мѣрѣ, это не просто отправленіе моего животнаго организма, какъ у собаки или лягушки, а настоящая любовь, и каждое объятіе бываетъ одухотворено чистымъ сердечнымъ порывомъ и уваженіемъ къ женщинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отвращеніе къ животному инстинкту воспиталось вѣками въ сотняхъ поколѣній, оно унаслѣдовано мною съ кровью и составляетъ часть моего существа, и если я теперь поэтизирую любовь, то не такъ же ли это естественно и необходимо въ наше время, какъ то, что мои ушные раковины неподвижны и что я не покрываю шерстью. Мнѣ кажется, такъ мыслятъ большинство культурныхъ людей; такъ въ настоящее время отсутствіе въ любви нравственнаго и поэтическаго элемента третируется уже, какъ явленіе атавизма; говорятъ, что оно есть симптомъ вырожденія, многихъ помѣшательствъ. Правда, поэтизируя любовь, мы предполагаемъ въ тѣхъ, кого любимъ, достоинства, какихъ у нихъ часто не бываетъ, ну а это служитъ для насъ источникомъ постоянныхъ ошибокъ и постоянныхъ страданій. Но ужъ лучше, по моему, пусть будетъ такъ, то-есть лучше страдать, чѣмъ успокаивать себя на томъ, что женщина есть женщина, а мужчина есть мужчина.

(Шамохинъ—«Ариадна»).

У насъ въ общезнѣти преобладаютъ теперь два отношенія къ женщинамъ. Одни измѣряютъ женскіе черепа, чтобъ доказать, что женщина ниже мужчины, ищутъ ея недостатковъ, чтобъ глумиться надъ ней, оригинальничать въ ея же глазахъ и оправдывать свою животность. Другіе же изъ всѣхъ силъ стараются поднять женщину до себя, т.-е. заставить ее зазубрить 35,000 видовъ, говорить и писать тѣ же глупости, какія они сами говорятъ и пишутъ.

(Лихаревъ—«На пути»).

Я ручаюсь головой, что изъ тѣхъ полтора-ста молодыхъ мужчинъ, которыхъ я почти ежедневно вижу въ своей аудитории, и изъ той сотни пожилыхъ, которыхъ мнѣ приходится встрѣчать

каждую педѣлю, едва-ли найдется хоть одинъ такой, который умѣлъ бы понимать ненависть и отвращеніе къ прошлому Кати, т.-е. къ вѣтробранной беремености и къ незаконному ребенку, и въ то же время я никакъ не могу припомнить ни одной такой знакомой мнѣ женщины, или дѣвушки, которая сознательно или инстинктивно не питала бы въ себѣ этихъ чувствъ. И это не оттого, что женщины добродѣтели и чище мужчины: вѣдь добродѣтель и чистота мало отличаются отъ порока, если онѣ не свободны отъ злого чувства? Я объясняю это просто отсталостью женщинъ. Унылое чувство состраданія и боль совѣсти, какія испытываетъ современный мужчина, когда видитъ несчастье, гораздо болѣе говорятъ мнѣ о культурѣ и нравственномъ ростѣ, чѣмъ ненависть и отвращеніе. Современная женщина такъ же слезлива и груба сердцемъ, какъ и въ средніе вѣка. И по моему, вполнѣ благоразумно поступаютъ тѣ, которые совѣтуютъ ей госпитиваться какъ мужчина.

(Профессоръ—«Снучная исторія»).

Послушайте вы! Зачѣмъ вы сюда ходите? Неужели, неужели вы не понимаете, какъ это ужасно? Ваша медицина говорить, что каждая изъ этихъ женщинъ умираетъ преждевременно отъ чахотки, или чего-нибудь другого; искусства говорить, что морально она умираетъ еще раньше. Каждая изъ нихъ умираетъ оттого, что на своемъ вѣку принимаетъ среднимъ числомъ, допустимъ, пятьсотъ человекъ. Каждую убиваетъ пятьсотъ человекъ. Въ числѣ этихъ пятисотъ—вы! Теперь, если вы оба за всю свою жизнь побываете здѣсь и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ по двѣсти пятьдесятъ разъ, то значить на обонякъ васъ придется одна убитая женщина! Развѣ это не понятно? Развѣ не ужасно? Убить вдвоемъ, втроемъ, впятеромъ одну глупую, голодную женщину. Ахъ, да давай это не ужасно, Боже мой?

(Студ. Васильевъ—«Припадонъ»).

Всѣ эти немногочисленные попытки (спасти женщинъ) можно раздѣлить на три группы. Одни,

выкупивъ изъ притона женщину, нанимали для нея номеръ, покупали ей швейную машинку, и она дѣлалась швеей. И выкупившій, вольно или невольно, дѣлалъ ее своей содержанкой, потомъ, кончивъ курсъ, уѣзжалъ сдавать ее на руки другому порядочному человѣку, какъ какую-нибудь вещь. И падшая оставалась падшею. Другіе, выкупивъ, тоже нанимали для нея отдѣльный номеръ, покупали неизбѣжную швейную машинку, пускали въ ходъ грамоту, проповѣди, чтеніе книжекъ. Женщина жила и шла, пока это для нея было интересно и ново, потомъ же, соскучившись, начинала тайкомъ отъ проповѣдниковъ принимать мужчинъ, или же убѣжала назадъ туда, гдѣ можно спать до трехъ часовъ, пить кофе и сытно обѣдать. Третьи, самые горячіе и самоотверженные дѣлали смѣлый, рѣшительный шагъ. Они женились. И когда наглое, избалованное или тупое забытое животное становилось женою, хозяйкой и потомъ матерью, то это переворачивало вверхъ дномъ ея жизнь и мировоззрѣніе, такъ что потомъ въ женѣ и матери трудно было узнать бывшую падшую женщину.

(Студ. Васильевъ—«Припадонъ»).

Онъ (студентъ Васильевъ) поставилъ вопросъ иначе: что нужно сдѣлать, чтобы падшія женщины перестали быть нужны? Для этого необходимо, чтобы мужчины, которые ихъ покупаютъ и убиваютъ, почувствовали всю безнравственность своей рабовладѣльческой роли и ужаснулись. Надо спасти мужчинъ.

(«Припадонъ»).

Дѣвушки, которыя мечтаютъ и по цѣлымъ днямъ читаютъ лека и лѣбно все, что попадаетъ имъ подъ руки, которыя скучаютъ и грустятъ, одѣваются вообще небрежно.

(«Вѣрочна»).

А молодымъ дѣвушкамъ не строгость нужна... Имъ нужна ласка, да ха-ха-ха, да хи-хо-хо, духи и помада. Да...

(Семеновъ—«Въ ссылкѣ»).

Дружеское предостереженіе.

Рисунокъ Г. Шлитгена.

— Предостерегаю, — не цѣлуйся съ нею; у нея густо накрашены губы... Настоящая копировальная машина!